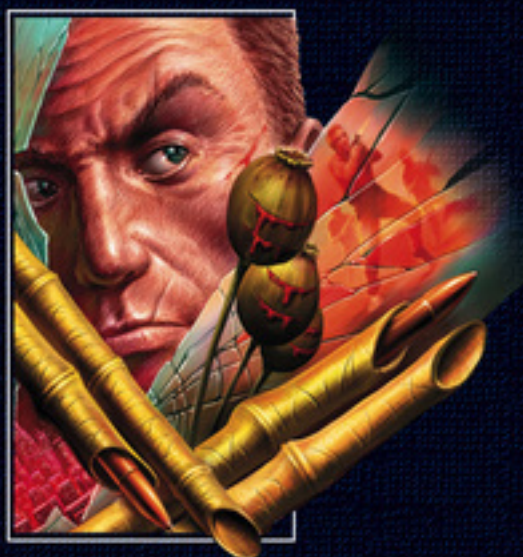

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

КЛАССИК ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

НАРКОМАФИЯ

ЭКСМО

Гуров

Николай Леонов

Наркомафия

«ЭКСМО»

1994

Леонов Н. И.

Наркомафия / Н. И. Леонов — «Эксмо», 1994 — (Гуров)

Знаменитый российский сыщик Лев Гуров круто меняет свою жизнь, став начальником службы безопасности крупной коммерческой структуры. Расследуя дело об убийстве главного бухгалтера фирмы, Гуров неожиданно затрагивает интересы международного наркосиндиката...

© Леонов Н. И., 1994

© Эксмо, 1994

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Николай Леонов

Наркомафия

Пролог

Лев Иванович Гуров, сорока двух лет от роду, высокий, статный и широкоплечий, в общем – супермен, шел неторопливо по длинным коридорам МВД мимо безликих, проштемпелованных номерами дверей. Еще пятнадцать минут назад Гуров был старшим оперативным уполномоченным по особо важным делам уголовного розыска, полковником милиции, у него имелись удостоверение, пистолет и наручники, он обладал властью не большой, но и не маленькой, перед ним открывались двери, пусть далеко не все, но очень, очень многие.

Гуров сдал удостоверение, пистолет и наручники, ему выдали пропуск на выход из здания. Он вложил бумажку в паспорт и думал не о том, что двадцать лет службы в розыске позади, а впереди неизвестно что, а о том, пропустит ли его постовой, вежливо козырнув, или придется предъявлять пропуск и какая кутерьма поднимется, если он бумажку потеряет или выбросит ее в ближайшую урну.

Он проработал сыщиком более двадцати лет, считал себя неплохим психологом, но и не подозревал, что внешние атрибуты власти, с которыми он только что расстался, значат для него так много. И ростом он не стал ниже, и все так же силен и быстр, умен и находчив, и глаза голубые смотрят гордо, а чувствует он себя так, словно прилюдно вдруг оказался без штанов.

Гуров вышел из лифта, направился к выходу, решая, доставать паспорт или привычно коснуться пальцами нагрудного кармана и кивнуть знакомому постовому. До дверей оставалось шагов двадцать, когда Гуров услышал хорошо знакомый, чуть насмешливый голос:

– Господа сыскари, смотрите, как уходит из альма-матер один из нас, может, самый отличный мент, а ныне свободный сын свободной России!

У колонны стояли четверо штатских, старший из них, приземистый, большеголовый, был лучшим, точнее, единственным другом Гурова. Начальник главка, генерал Петр Николаевич Орлов неловко растопырил руки, неловко улыбался, отчего его некрасивое, грубо слеplенное лицо казалось смешным и трагичным одновременно.

– Привет, коллеги, митингуете? – Гуров пожал всем руки. – О чем, если не секрет?

– Тамбовский волк тебе коллега...

– Сбежал, паршивец!

– Чуткости тебе, Саня, не хватает, – ответил Гуров, оглядывая присутствующих. – Не сбежал, а отступил перед превосходящими силами противника.

Гуров был самым молодым из собравшихся, старший – генерал Орлов – хлопнул друга по литому плечу и сказал:

– Опись возвращаемого обществу индивида производить не станем. Все видят: что брали, то и вернули, голова одна, пара рук и пара ног...

– Б/у, конечно, так против окаянной не попрешь...

– Хватит дурака валять, давай о серьезном, – перебил товарища худощавый интеллигент и сверкнул вставными зубами. – Лева, о чем мечтает мент обыкновенный? Как пишет враг народа Бабель... об выпить рюмку водки, об дать кому-нибудь по морде... Ты уходишь хотя и не в первый, но, чувствую, в последний раз. Выпивку ставишь?

– Обязательно. – Гуров кивнул. – Завтра часиков в девятнадцать у меня дома...

– Чего приносить?

– Носовые платки. – Гуров взял Орлова под руку и двинулся к выходу.

Постовой знал их обоих в лицо, лихо козырнул, и Гуров вышел на свободу.

– Как просто, – сказал Орлов и потер свой бесформенный нос, – словно в номере Кио. Вошел в коробку полковник, опер-важняк, а вышел молодой пенсионер... А ведь я двадцать лет жизни положил, чтобы из тебя сыщика сварганить...

– Ты от меня хвастовством заразился, – Гуров открыл дверцу «жигуленка». – Садись, тебе куда?

– К чертовой матери, – пробурчал Орлов, усаживаясь на переднее сиденье. – Комиссию прохожу, сам знаешь...

– Тогда двинем ко мне...

– Угу, – Орлов кивнул. – Ты ушел, я уйду, кто пахать будет?

– Свято место пусто не бывает.

– Это наши места святы? И потом я не про кресло и подпись в ведомости. Кто пахать будет?

– Не лабуди, Петр, – Гуров аккуратно выехал со стоянки. – Мы с тобой и не последние сыщики, пахали за совесть, а вырос урожай тот еще – на всю Россию отравы хватит.

– Ты знаешь прекрасно...

– Я знаю только, что людей наши знания не интересуют, – перебил Гуров. – Я не от бюрократов убежал, а от безысходности.

– Ты убежал, меня ушли. В отношении меня – правильно, я уже выработался. Но как тебя отпустили? Я полагал, на меня насыдут: мол, Гуров твой подчиненный и друг, уговори потерпеть... Выкуси! – Он сложил фигу. – Ни один не трехнулся, что лучший сыщик уходит.

– Петр, перестань слова говорить, сам прекрасно знаешь: начальники от меня устали. В последнем крупном деле я им окончательно кровь испортил...

– Так ведь сегодня спикер в изоляторе...

– Тем более, – перебил Гуров, – еще обиднее получается, что их предупреждали, а они...

– Только не говори, что они наложили в штаны. Они обосрались!

– Петр, ты пока генерал, выбирай выражения.

– Я сорок лет выбирал выражения, депутатов, делегатов, президентов... – Орлов смял короткопалой ладонью лицо и замолчал.

В своей обшарпанной, самой что ни на есть малогабаритной двухкомнатной холостяцкой квартирке Гуров быстро накрыл на стол, разлил по стаканам остатки водки, кивнул. Они молча выпили, зажевали вчерашней яичницей.

– К Юдину подашься? – спросил Орлов.

– Уже неделю на зарплате...

– Как же это? – удивился Орлов. – А трудовая книжка? Ты ее только получил...

– Им человек нужен, а не бумажка. У меня к тебе просьба, Петр Николаевич.

– Ну? – Орлов взглянул настороженно, даже испуганно. Генерал знал Гурова, и обращение по имени-отчеству в сочетании с просьбой не сулили хорошего.

– Да не бойсь, Петр, – рассмеялся Гуров. – Я пенсионеров не ем, лишь закусываю.

– Сам такой, – огрызнулся Орлов. – Выкладывай.

– Иди ко мне консультантом.

– Чего? – Орлов сложил губы дудочкой, взглянул на кончик своего носа. – На хрен тебе нужен консультант? – Он перестал гримасничать, взглянул неприязненно. – Хочешь денежку подбросить для поддержки штанов?

– Дурак ты, и уши холодные, – ответил резко Гуров. – Будто сам не знаешь, я человек завиральный, увлекающийся. Мне твои мозги во как необходимы, – Гуров чиркнул пальцем по горлу. – Дело для меня это новое, чужое поле, правил не знаю, и противник у меня будет другой окраски...

– Ладно, разберемся, жизнь покажет. – Орлов достал из кармана «вальтер» и служебное удостоверение. – Держи, это твой «вальтер», а ксиву я тебе выправил, береги, она в России в единственном экземпляре.

Гуров схватил пистолет, узнал сразу, и не по царапине от пули – по дружескому рукопожатию.

– Так я же его вчера сдал. – Гуров выщелкнул обойму, оглядел ствол.

– Ну и дурак. Сдал табельный «макаров», и хватит. Зачем же сдавать оружие, добытое в бою? – Орлов довольно улыбался: каждому приятно доставить радость другу.

– Да особист, сволочь, привязался... «Знаю, знаю, у вас имеется...» Я и швырнул. – Гуров взял удостоверение, пощупал натуральную кожу, какой в жизни не было на его удостоверении. По вишневому полю золотыми тисненными буквами: «Министерство Внутренних Дел России». Гуров раскрыл удостоверение, взглянул на свою фотокарточку, рельефный штампель, гербовую печать, прочитал: «Полковник Гуров Лев Иванович является главным консультантом Главного управления Уголовного розыска МВД России» – и подпись: Орлов.

– Петр! – Гуров чуть не всплеснул руками. – Главный консультант! Такой и должности нет!

– Отметь, Лева, – Орлов улыбнулся еще шире, – я тебя главным консультантом назначил до того, как ты меня простым консультантом пригласил. Я начальник главка? Сегодня еще начальник, и мне решать, какой консультант мне нужен...

Глава 1

Сыскное агентство

Гуров взглянул на трупы мельком, отметил, что обоих мужчин расстреляли в спину из автомата, видимо, с близкого расстояния, осторожно, чтобы не мешать врачу и фотографу, обошел тела и поднялся на третий этаж. Дверь в квартиру, в которой жил бухгалтер фирмы «Стоик», была приоткрыта. Гуров вошел, тщательно вытер ноги, сказал:

– Здравствуйте, – и сел на ближайший, стоявший у двери стул.

Генеральный директор фирмы Борис Андреевич Юдин кивнул, взглянул на часы, тут же виновато улыбнулся и развел руками: мол, конечно, ты предупреждал, но сейчас, сам понимаешь, все из головы вылетело.

Утром Гуров впервые в жизни отправился к зубному врачу и сообщение об убийстве получил лишь несколько минут назад, когда сел в машину.

Комната походила на «люкс» дорогой гостиницы: шикарно, безлико, чисто прибрано, словно тут не жили, а лишь приезжали да уезжали. Кроме Юдина, за овальным столом сидел начальник охраны фирмы Александр Арепин, русоголовый амбал в коже, с обиженным лицом, мощными плечами и руками, которые он не знал куда деть, потому бесцельно крутил на полированном столе хрустальную пепельницу. У стены на стульчике скучал бывший подполковник милиции и начальник отдела МУРа, близкий приятель, можно сказать, друг Гурова – Станислав Крячко. Почему он уволился и подался в коммерческие структуры, коли будет время – разберемся.

– Иван не был моим другом, но он работал в фирме... Я не могу допустить, чтобы моих сотрудников убивали безнаказанно. – Юдин поднялся из-за стола, взглянул на Гурова, явно хотел что-то сказать, но лишь кивнул и вышел.

– Когда о погибшем говорят, что он не был другом... – Крячко разговаривал сам с собой, запнулся, глянул на Гурова. – Лев Иванович, там шурует наша группа... – Он вновь запнулся – еще не привык, что в МУРе не работает.

– Сходи, поболтай, ты умный, – сказал Гуров и повернулся к начальнику охраны: – Что скажете?

– А чего? – Охранник пустил пепельницу по столу, и она свалилась на ковер. – В Москве убивают каждый день... Главбух был сволочь, каких поискать. А Витек лопухнулся, сам и заплатил...

– А вы? – Гуров встал, лизнул кровоточащую десну, невольно поморщился. – Вы в фирме больше не работаете. – Он шагнул было в коридор, передумал и вернулся: – Ты вот что, мальчик, учти... Вздумаешь фирме гадить, я об этом узнаю обязательно.

– Слушай, мент! – Охранник поднялся и оказался чуть не на голову выше Гурова. – Я таких, как ты...

– Таких ты не встречал, – спокойным голосом перебил Гуров, – и не слышал, о чем скорее всего пожалеешь. Убирайся!

Гуров отошел в сторону от двери, пропустил бывшего начальника охраны в коридор, подождал, пока захлопнется входная дверь, и занялся осмотром квартиры. Он бесцельно бродил по трехкомнатной квартире, прекрасно понимая, что искать здесь крючок, за который можно уцепиться, – дело пустое. Не отдавая себе отчета, Гуров просто тянул время, ждал возвращения Крячко. Когда Гуров был полковником и начальником, то и тогда не вмешивался в работу бригады, осматривающей место преступления. Он не оценит характер ранений лучше врача и не найдет ничего стоящего, что бы пропустил при осмотре криминалист-професси-

онал. Вот оценить всю добытую информацию в совокупности, сделать порой неожиданный вывод сыщик способен, а толкаться около трупов не по его части.

Бродил он по квартире, вроде и не оглядывался, но невольно отмечал, что мебель вся новая, квартира как бы не жилая, однако тщательно прибранная, словно тряпкой и пылесосом прошлись час назад. Только в спальне удалось обнаружить следы человека. Да и мебель здесь была иной, обычной, годной к употреблению. Шкаф, стол, пара стульев, разложенная и неубранная диван-кровать, холодильник, маленький, обшарпанный, в отличие от роскошного белоснежного, в рост человека, который был на кухне. В пепельнице окурки и коробок спичек, пахнет дешевым табаком, а в гостиной лежат пачка «Мальборо» и дорогая зажигалка.

Жил-был бухгалтер, рядовой совслужащий. Внезапно он разбогател и решил, что должен жить иначе, той жизнью, которую он видел в кино. Он купил квартиру и все что полагается, но не удержался, кое-что из старого жилья перетащил в новое и внезапно выяснил, что опоздал, кожу сменить не удастся, присосла... Размышления Гурова прервал звонок в дверь.

Крячко был угрюм и сосредоточен, начал без вступления:

– Лев Иванович, дела наши хреновые. Ребята приехали знакомые, грамотные, прямо не сказали, но дали понять, мол, ваши разборки нам уже во! – Он чиркнул пальцем по горлу. – Попадется – возьмем, а разыскивать всерьез не будем.

– «Наши», «ваши»? – Гуров усмехнулся. – Свежо! А ты этому философу не намекнул, что завтра «наш» убийца ему, оперу, башку отстрелит?

– Ты, родной начальник, давненько в МУРе не был! – огрызнулся Крячко. – Тут ни намеком, ни приказом, ни осиновым колом мозги не поправишь. – И повысил голос: – Ты, умник великий, полагаешь, что я отдел МУРа на твою контору поменял от расстройства чувств? Ты пропел пару куплетов, и я расплакался? Или я за долларами побежал?

– Станислав, ты продолжай, не стесняйся, – тихо сказал Гуров. – Ты мальчик взрослый, знаешь, что наступит завтра...

– И мне станет стыдно? – Крячко открыл холодильник, вынул бутылку водки.

– Обязательно, – сказал Гуров. – А коли сейчас выпьем, будет стыдно вдвойне.

Крячко взмахнул бутылкой, сунул ее в холодильник, хлопнул дверцей.

– Змей! И всегда был! Я не люблю тебя!

– Это вряд ли. – Гуров закурил. – С какого расстояния стреляли?

– Что? – Крячко знал Гурова многие годы, к его манере резко сменить тему разговора оказался не готов, задал дурацкий вопрос: – Кто стрелял?

– Установим, – Гуров пожал плечами. – Пока меня интересует, с какого расстояния.

– Ах да, извини, господин полковник! – Крячко махнул рукой. – Дай врубиться... Автомат Калашникова, судя по разбросу гильз, стреляли метров с десяти, примерно с восьмой ступеньки, – заговорив о профессиональных вещах, он обрел уверенность. – Полагаю, убийца ждал на площадке третьего этажа, возможно, он поднимался на площадку между третьим и четвертым, затем вернулся. Думаю, Лев Иванович, кто-то выходил из квартиры. Проверим, возможно, нам подбросят приметы. Убийца ждал недолго, минут десять-пятнадцать, курит иностранные сигареты, я пепел в НТО передал, однако это сегодня ничего не даст. Все курят иномарки, мало кто курит одну и ту же, покупают что попадется.

Гуров смотрел на округлую, литую фигуру Крячко, на простоватое, открытое лицо, которое многих вводило в заблуждение, вспоминал, как давным-давно, когда он, Гуров, еще работал на Петровке старшим группы, Станислава перевели в МУР из райуправления. Крячко в районе слыл лучшим, ему прочили быструю карьеру, но Гуров задержал его в группе аж на два года.

– Станислав, – Гуров ставил ударение на втором слоге, – скажи, ты в прошлой жизни сильно не любил меня?

В этот раз Крячко не обиделся, зыркнул хитрым глазом и с легкой улыбкой ответил:

– Ты, Лев Иванович, не девка. А со мной ты обходился несправедливо, но сегодня я тебя прощаю...

– Несправедливо, но правильно, хотя, может, так и не бывает. Если бы я тебе дал подняться сразу, ты не был бы таким умным и аккуратным, как сегодня. Так говоришь, убийца не профессионал?

– Я так не говорил, но думаю, что не профессионал. Но ты понимаешь, в каком смысле...

– Обязательно. Он обыкновенный убийца, но не профессионал, работающий по контракту. Так?

– Точно. – Крячко заметил скользнувшую по губам Гурова улыбку и быстро поправился: – Таково мое личное мнение. Профессионал пользуется пистолетом, по крайней мере в подобной ситуации.

– Согласен. Считаю меня циником, но сегодня для меня убийца – дело второстепенное, мне нужен заказчик.

– Спроси у Юдина, он знает...

– Он в лучшем случае может назвать фирму, корпорацию, а нам с тобой нужен конкретный человек.

– Не тебе объяснять: розыск преступника часто даже аппарату не под силу. – Крячко взглянул на Гурова. – Хотя, если ты захочешь использовать свои агентурные подходы...

– Нет, Станислав, – Гуров покачал головой. – Ты же знаешь, я строю свои взаимоотношения с авторитетами на взаимовыгодных условиях...

– Но порой прячешь в рукаве туза, – перебил Крячко.

– Обижаешь, не передернуть в нашей игре нельзя. Но я никогда не задам вопрос, если, отвечая на него, человек перестает себя уважать. Ты полагаешь, что если использовали автомат, то убийца, возможно, с Кавказа, прибыл из горячих точек и связан с нашими авторитетами...

– Верно, – вновь перебил Крячко. – И у тебя с ними есть контакт.

– Возможно, – ответил Гуров. – Кое с кем я иногда разговариваю, но это возможно лишь потому, что никогда не попрошу авторитета отдать мне своего человека. Если я хоть раз о подобном заикнусь, все ниточки порвутся.

– И потому ты великий сыщик, а я лишь опер-скачок, – усмехнулся Крячко. – Хватит теории, подбьем бабки. Юдин нам не поможет, к авторитетам обращаться нельзя... От какой печки прикажешь плясать?

– От убитого бухгалтера, от данной квартиры, – ответил Гуров.

Генеральный директор фирмы «Стоик» Борис Андреевич Юдин был талантливым коммерсантом и организатором. Когда заниматься коммерцией в России было запрещено, он, как и многие, пребывал в подполье, то есть ходил под статьей. Времена изменились, Юдин сумел развернуться, выстоять в борьбе с чиновником, помогли навыки и связи прошлых лет, недавно вышел на международный рынок, годовой оборот фирмы перевалил за... Впрочем, это коммерческая тайна, да и к нашей истории никакого отношения не имеет.

С Гуровым коммерсант Юдин познакомился около двух лет назад, взаимоотношения у них складывались непросто. Сначала полковник спас коммерсанту жизнь, затем последний оказывал сотруднику довольно серьезные услуги, разошлись, как говорится, каждый при своих, никто никому должен не был. Они оба были лидерами, каждый представлял друг для друга большой интерес. Гуров, как истинный сыщик, был убежден, что количество знакомых – единственный капитал, который стоит беречь. Юдин отлично понимал, что каждый его шаг наверх приумножает количество его врагов. И если от коллег-неприятелей можно и должно уберегаться самому, то от человека с бомбой и автоматом должен защищать только профессионал. Никого лучше Гурова Юдин никогда не знал. Он не раз приглашал сыщика к себе на

службу, понимал, что Гуров личность неординарная, никакой системе не нужен, и ждал, когда же умный человек поймет всю безнадежность своей войны.

Когда Юдин узнал, что полковник начал работать по раскрытию убийства, происшедшего на даче спикера, то собрал ближайших соратников и сказал:

– Скоро у нас появится начальник службы безопасности. Он человек крайне сложный, я вам, друзья, не завижусь.

– Шеф, а на кой черт он нам нужен? – спросил коммерческий директор. – Мы все непростые, нам сложного не хватает?

В руководстве фирмы работали люди молодые, около тридцати лет, лишь Юдину было под шестьдесят. Не мудрствуя лукаво, все звали его шефом.

– Вячеслав, ты прав, нам такого сложного не хватает. – Юдин представил, как заявится Гуров и начнет разделять самолюбивых талантливых мальчишек, и заулыбался. – Должность начальника службы безопасности учреждаю я, утверждаю человека тоже я. А чтобы вы за моей спиной не трепались, что я диктатор и старый марзматики, ставлю вас, молодые господа, в известность, что больше всех от нового нашего сотоварища достанется именно мне.

– Какой-нибудь отставной гэбистский генерал?

– Значительно хуже, – улыбнулся Юдин. – Я наведу справки, и, если получу принципиальное согласие, готовьте кабинет. Виктор, прокачай извилины, сооруди простой современный, но несколько консервативный интерьер. Семен, загляни в каталоги, обеспечь необходимое оборудование, но ничего лишнего.

На следующий день после того, как Гурова отстранили от дела по убийству в резиденции спикера, Юдин «случайно» заглянул к нему на огонек. Коммерсант знал – Гурова не провести, однако больше часа морочил ему голову рассказами о своих финансовых проблемах, все не знал, как ловчее начать разговор.

– Достань из кейса свое паршивое виски, налей и считай, что я согласен, – сказал неожиданно Гуров, протер стаканы и закурил. – Мои условия просты. Ты ставишь задачу, не вмешиваешься в мою работу. Я приведу с собой помощника и консультанта, которым ты будешь платить столько же, сколько мне.

– Согласен, – быстро ответил Юдин. – Извини, а сколько платить?

– Не валяй дурака! Придумаешь что-нибудь! – Гуров приподнял свой стакан. – Вперед!

Гуров подал рапорт на увольнение, начал сдавать дела и через три дня приехал в офис к Юдину. Пройдясь мимо здания, полковник подождал, пока рядом не припарковалась машина, остановил вышедшего из нее молодого мужчину, сказал:

– Здравствуйте. Не подскажете, где тут размещается фирма «Стоик»?

– Старик, что, буквы мелкие? – Мужчина указал на броскую рекламу. – А вам кто нужен?

– Да хотел поболтать с Борисом Андреевичем, – небрежно ответил Гуров, взял незнакомца под руку и вошел с ним в подъезд.

– Поболтать с шефом всегда интересно, только попасть к нему сложно. Привет, Виталий! – сказал мужчина сидевшему за перегородкой здоровенному амбалу.

Охранник глянул мельком, кивнул и вновь устался в газету.

Гуров прошелся по коридорам фирмы, которая занимала первый этаж старого, но еще крепкого дома. Открывал двери, заглядывал в современно оборудованные кабинеты, здоровался, ему рассеянно отвечали, ни о чем не спрашивали. В комнатах было много современной техники, но Гуров знал лишь компьютер, на котором успел немного поработать – печатать, стирать, переставлять абзацы.

Когда он вошел в кабинет главного бухгалтера, на двери которого красовалась умильная табличка: «Не входить, считаем деньги», кто-то из стоявших у стола раздраженно сказал:

– Мешаете, зайдите через пятнадцать минут.

– Извините, – ответил Гуров, но не вышел, прикрыл за собой дверь и огляделся.

Охранник сидел, развалившись, вытянув ноги, и, прежде чем он свои костыли подберет, его можно запросто обесточить стулом. Пара ребят с металлическими чемоданами тоже имели оружие, один на открывшуюся дверь даже не обернулся, второй глянул, видимо, элегантно одетый Гуров ему приглянулся, так как парень вновь склонился над столом и начал тыкать пальцем в калькулятор.

– А баксы у вас, ребята, фальшивые, – Гуров указал на лежавшую на столе пачку долларов и открыл дверь.

В кабинете повисла тишина, у сидевшего за столом седого мужчины очки сползли на кончик носа, он подслеповато сощурился и, чуть заикаясь, спросил:

– А вы кто будете?

– А черт его знает! – весело ответил Гуров, вышел в коридор и завернул в первую открывшуюся дверь.

Здесь что-то строили, точнее, собирали из уже готовых блоков. На Гурова никто не обратил внимания, и он присел на какой-то ящик. Молодой человек, высокий, худой, с быстрыми точными движениями, отдавал команды трем рабочим, которые выполняли указания сноровисто, порой перебрасывались шутками.

Гуров хотя и был настоящим профессионалом и сразу понял, что сооружается кабинет, не мог предположить, что оборудуется он для будущего начальника службы безопасности.

– Витя, а где монтируем пулемет? – спросил один из рабочих. – Генерал не может жить без пулемета.

– Брось трепаться, – Витя почесал свою молодую лохматую голову. – Не хочется мне делать стол для совещаний, даже выдвижной. Пришли к нему люди, надо поговорить... допустим, пятеро...

Гуров не узнал, как решил проблему дизайнер, – дверь приоткрылась, заглянул охранник и радостно закричал:

– Нашел! – И наставил на Гурова пистолет.

– Я сдаюсь! – Гуров поднял руки и вышел из кабинета.

Чувствовал он себя отвратительно, так как суматоху и фарс ему удалось спровоцировать и ничего смешного в происходящем не было. А ему с этими людьми работать, и человек так устроен – пусть трижды виноват, но выглядеть дураком не желает, а коли случилось, винит весь белый свет, только не себя.

– Ладно, ребята, извините, ведите меня к шефу, – сказал тихо Гуров, выйдя в коридор. – В отношении долларов я неудачно пошутил.

Гурова ткнули пистолетом под ребра, провели мимо испуганной секретарши, втолкнули в кабинет генерального директора. Юдин разговаривал по телефону, увидев группу вошедших, пистолеты, прикрыл трубку ладонью, сказал:

– Спасибо, ребята, и оставьте нас одних. По вторникам этот человек не опасен.

– Сегодня среда, шеф...

– Тем более. – Юдин махнул рукой: – Идите.

Гуров устроился в кресле и закурил. Юдин закончил разговор по телефону, спросил:

– Пытался прорваться?

– Угу, – Гуров кивнул. – Пустой номер, тебя охраняют профессионалы.

И хотя Гуров старался говорить абсолютно серьезно, Юдин почувствовал подвох и быстро сменил тему:

– Когда сможешь приступить к работе?

– Недельки через две.

– Отлично. В штат я тебя зачисляю с сегодняшнего дня, соответственно и деньги начинают капать.

– Хозяин – барин, – Гуров пожал плечами: ему был неприятен разговор о деньгах. Юдин это почувствовал, вышел из-за стола, взял Гурова под руку.

– Пойдем, покажу твой кабинет. Может, ты захочешь внести коррективы.

Когда они вошли в знакомую Гурову комнату, рабочие уже сложили огромный стол, состоявший из трех частей шестигранника, обращенный центральной плоскостью к дверям.

– Наш дизайнер, Виктор Хохлов, талантливый парнишка, видите, Лев Иванович, какую он для вас «Бастилию» соорудил? Надо понимать, что вы будете находиться внутри крепости и держать круговую оборону.

Гуров понял, что в присутствии сотрудников предлагается обращаться на «вы», улыбнулся и ответил:

– Интересно, изящно, современно, только если оборона, необходима амбразура.

– Ребята, представляю вам Льва Ивановича Гурова. С сегодняшнего дня он начальник службы безопасности, хозяин этого кабинета, всего офиса и ваших душ.

Рабочие вспомнили, как шутили в присутствии незнакомца, смутились. Повисла неловкая пауза. Юдин глянул на Гурова, на своих сотрудников, покачал головой и усмехнулся:

– Вы успели познакомиться?

– Уважаемый Борис Андреевич, я впервые вижу молодых людей, – Гуров подмигнул Вите. – Просто мы мешаем людям работать. Все прекрасно, Виктор, действуйте, я сумею приспособиться.

Как и обещал, Гуров приступил к работе. Когда на огромном столе расставили всю аппаратуру: телевизор, компьютер, телефон, факс, на левом крыле – кофеварку и поднос с посудой, то оказалось, что Витя все рассчитал правильно. За «Бастилией» – кресло хозяина, перед ней – пять кресел для гостей. Гурову было удобно, одно мешало – он привык во время серьезного разговора стоять или расхаживать, чувствовать себя свободным. В новом кабинете это получалось плохо, точнее, совсем не получалось. Тогда Гуров на время бесед облюбовал себе место у задвинутого в угол холодильника, где можно было даже сделать два шага в сторону и вернуться. В общем, чисто физически он к новому месту приспособился, со всем остальным дела обстояли значительно хуже.

В розыске он знал свои обязанности, и ему не надо было ни у кого спрашивать, чем следует заниматься, он сам определял, что следует делать немедленно, что можно отложить. В первый же день он пришел к Юдину и спросил:

– С чего мы начнем, шеф?

И сразу возникла неловкость. В прежние времена Гуров был лидером и определял характер отношений. Он потому и назвал Юдина шефом, чтобы тот понял – полковник Гуров не страдает комплексом неполноценности: раньше распоряжался, а теперь готов выполнять указания, это нормально.

– Садись или шатайся по кабинету, как ты это делаешь обычно. Каждый из нас шеф в своей области. Ты, Лев Иванович, начальник службы безопасности, следовательно, круг твоих обязанностей – безопасность. Так как ты все равно вытрясешь из меня душу, сразу расколуюсь. Уже несколько месяцев я чувствую утечку информации, которая наносит фирме серьезный ущерб. – Юдин открыл лежавший перед ним блокнот, написал четыре фамилии, вырвал лист, передал Гурову. – Люди, которые имеют доступ к информации. В каждом из них я уверен, как в себе.

Гуров сложил листок, убрал в карман, перегнулся через стол и вырвал из блокнота чистый лист.

– Ты это дело, – Гуров пальцем провел вдоль стен и потолка, – проверял? Хорошо, я займусь, перепроверю. Ты говоришь, что уверен в себе. А это точно? Насколько мне известно, ты не женат, девочки меняются, всякое может быть.

– Глупости! – Юдин рассердился. – Я никогда нигде не говорю о работе.

– Никогда не говори «никогда»! Кажется, есть такой боевик. Оставим. Что еще? Господа рэкетеры?

– Пока бог миловал. Да ты и сам убедился, у меня надежная охрана.

– Убедился. – Гуров даже не улыбнулся, хотя хуже охраны он даже и представить себе не мог. – Кстати, кому она подчиняется?

– Разумеется, тебе.

– Прекрасно. Значит, не рэкетеры. Что тебя беспокоит?

Юдин молчал, морщился, вздыхал, хотел что-то сказать, не сказал.

– Угрозы? Какие-то недоразумения? Необъяснимые увольнения? – спросил Гуров. – Ну давай, не стесняйся, что ты, ей-богу, словно красна девица!

– Предчувствие! – выпалил Юдин и смутился. – Не могу объяснить, но чувствую приближение беды. Тревога... Стал плохо спать.

– Так-так. – Гуров поднялся из кресла, закурил, прошелся по кабинету, неожиданно сказал: – Чувствуешь, значит? Это прекрасно! Я чувствительный, ты чувствительный, значит, мы не проморгаем, не лопухнемся. Ты не смотри на меня, как на шизика, предчувствовать опасность могут немногие. Я это дело знаю, потому и живой пока...

Гуров остановился напротив стола, за которым сидел Юдин, посмотрел внимательно.

– Борис, припомни, у тебя тревога появилась враз или наползала медленно?

– Не враз, постепенно.

– Вы заключали крупные сделки, подписывали новые договора?

– Естественно, но это обычная, повседневная работа.

– У вас появился новый партнер?

– Новый? – Юдин задумался. – Да нет, пожалуй, знакомые все лица. Знаешь, – он погрозил Гурову пальцем, – может, ты и прав, кое-что произошло. Три месяца назад «Фора» неожиданно отступила. Фирма, которая частично партнер, частично конкурент. Приезжали немцы, я был убежден, что между мной и «Форой» начнется серьезная конкуренция, а они обозначили свое присутствие на переговорах и отступили, практически отдали без борьбы около миллиона марок.

– Вы их уже получили?

Юдин рассмеялся, махнул на Гурова рукой.

– Нет, конечно, но мы подписали выгодный контракт, деньги получим, когда выполним свои обязательства...

– Борис Андреевич, напоминаю, что через пять минут вам надо выезжать, – прервал их разговор голос секретарши.

Юдин нажал кнопку и ответил:

– Спасибо, Леночка. – Он поднялся из-за стола, снял с вешалки плащ. – Может, я и на воду дую, но было в самоустранении коллег-соперников нечто странное. Но это ты из головы выбрось. Если они под меня закладывают мину, это финансовая операция.

Гуров начал с того, что побывал в двух крупных фирмах, где охрану вели бывшие сотрудники милиции и безопасности. Он быстро выяснил, что так плохо, как охраняют «Стоик», не охраняют никого. Хотя ребята Юдина внешним видом, то есть разворотом плеч, весом, тяжестью подбородков буквально подавляли, Гуров понял, что люди подобраны ленивые, выпивающие, не спортсмены вовсе, просто обожравшиеся качки. Охранников следовало менять, но, во-первых, надо иметь замену, во-вторых, Гуров терпеть не мог начальников, которые, не успев разобраться в деле, начинали тасовать людей и передвигать в своем кабинете мебель. А тут надо всех сменить, и кабинет Гурову отстроили новый.

Была еще одна, пожалуй, главная сложность в новой жизни Гурова. Он двадцать лет работал в розыске, создал себе имя, которое последние годы уже активно работало на него. Гурова

в милиции уважали, любили, ненавидели, но все знали: данный человек – профессионал высокого класса, на хлеб его не намажешь, лучше с ним не связываться и коли не согласен или супротив, так отойди в сторону, целее будешь. Он пришел в фирму, люди понятия не имели, кто он такой, да и знать не желали, и Гуров новых сослуживцев прекрасно понимал. Должность для новенького придумали – начальник службы безопасности! У нормального человека каждое слово вызывает протест. Начальник! Служба! Безопасность! А по мысли, так сродни бывшему первому отделу, то есть надсмотрщик над людьми работающими и служащими. Гуров никогда к людям не приспосабливался, полагая, что взаимоотношения устанавливаются со временем, держался с людьми ровно, спокойно, несколько безлично. Если в милиции даже недруги признавали, что Гуров честен и смел и начальник для него такой же человек, как и подчиненный, то на новом месте ничего о нем не знали. К некоторым его странностям в милиции давно привыкли, одни ругали, другие подшучивали, но в основном привыкли и не обращали внимания. Например, Гуров довольно часто не отвечал на вопросы, лишь пожимал плечами, улыбался и похлопывал спрашивающего по плечу. На его языке это означало: «не задавай дурацкие вопросы» или «ты же, дружок, и сам знаешь ответ». Да, многое в этом всегда элегантно одетом, подтянутом, самоуверенном человеке, любезном с женщинами и ироничном с мужчинами, раздражало сотрудников фирмы.

Гуров уволил двух охранников за пьянство. Причина увольнения была настолько очевидной, что даже начальник охраны лишь развел руками и обронил глубокомысленное заключение – «мудаки». С остальными церберами Гуров решил повременить, побеседовал с белобрысым амбалом – руководителем охраны Александром Арепиным, понял, что разговоры с ним – пустая трата времени. Юдин предложил Гурову на выбор – «Мерседес», «Вольво» или «БМВ», но тот даже не стал смотреть машины, объяснив, что машина ему нужна неброская, в которой он хоть чуть-чуть разбирался бы и мог бы в случае чего починить. В результате он получил в пользование серенькую «семерку», чем также удивил окружающих. Действительно, кто откажется от белоснежного «мерса», предпочтет ему серый, как мышь, «жигуль»? К тому же новый особист начал всех подряд допрашивать. Гуров приглашал к себе, угощал кофе, чаем, минералкой и задавал глупейшие вопросы типа: «Болели ли вы в детстве корью и как чувствует себя ваша бабушка?» Разговоры велись вежливо, неторопливо, с отступлениями, порой томительными паузами, когда гостю казалось, что хозяину просто нечего делать и он придумывает, о чем бы еще спросить, да придумать не может. Естественно, каждая такая беседа-допрос тут же становилась достоянием общественности, люди обменивались информацией, пытались найти в вопросах «особиста» какую-либо систему, не находили, так как ее попросту не существовало. У Гурова не было системы, лишь конкретная цель, он искал в каждом человеке болевую точку, изъян, просто человеческую слабость, которую в случае нужды может использовать предполагаемый противник. Беседовал Гуров со всеми сотрудниками без исключения, с главбухом и уборщицей, с коммерческим директором и ночным сторожем. Элита жаловалась Юдину, который позаимствовал привычку Гурова пожимать плечами и неизменно отвечал:

– Терпи, братец, он из меня уже трижды душу вынимал, грозился продолжить.

Человеку неприятно думать, что если он другого человека не понимает, возможно, этот другой очень умный, потому и непонятный. Подавляющее большинство рассуждает проще: все мне недоступное есть глупость. Через недели две служащие фирмы пришли к единодушному решению, что новый «особист» с внешностью иностранца и супермена – «мужик чокнутый», как нынче модно выражаться – «крыша у него поехала». Иметь чокнутого «особиста», к которому мудрый шеф относится с подчеркнутым уважением, – дело неприятное, и Гурова стали сторониться, разговоров с ним избегали. Порой доходило до откровенного хамства. Он никак не реагировал, вроде не замечал, продолжал приглашать в свой кабинет, некоторых по второму разу, даже по третьему. Все беседы он записывал на пленку, затем прослушивал, ставил «диагноз», который заносил в память компьютера. Так Гуров создал картотеку, в которой

были записаны все данные о сотрудниках фирмы, начиная с их фамилии, имени, отчества, года рождения и кончая заключением Гурова о характере человека, явных и скрытых пристрастиях, привычках, наклонностях, возможных пороках, психологической устойчивости и многое-многое другое, из чего и состоит человек.

Вскоре в фирме появился Станислав Крячко, которого уволили из МУРа через два дня после подачи рапорта. Начальником управления МУРа неожиданно назначили, присвоив соответственно должности звание генерала, ровесника и однокашника Станислава. Генерал был тщеславен, как оперативник – средне бездарен, дважды Крячко нового начальника выручал, а такие поступки, как известно, не забываются. Так что стоило Крячко подать рапорт, как начальник отдела вылетел из конторы быстрее, чем пробка из бутылки шампанского, которую заблаговременно подогрели и для верности шлепнули по доньшку ладонью.

Крячко из одной конторы вылетел, в другую влетел, как врожденный оптимист, сразу стал окучивать новые грядки. Женщинам – улыбки, комплименты и шоколадки, мужчинам – свежие анекдоты и стаканы через минуту после вечернего звонка. За один день Крячко завоевал любовь и признание, оценил, как «обложили» Гурова, забил в его гроб последний гвоздь, прилюдно заявив, что знает полковника второй десяток лет и змей тот редчайший, три шкуры с него, Станислава Крячко, спустил, питается исключительно человечинной и характер у отставного полковника – хуже не придумаешь. Люди были очень довольны, конечно, напрашивался вопрос, мол, зачем же ты, грешник, зная нрав своего начальника, вновь к нему в замы пошел? Но неудобно хорошего человека в неловкое положение ставить. Однако шустрые умные мальчишки из элиты, то есть из окружения шефа, которые комплексами вежливости не страдали, то ли на третий, то ли на четвертый день пребывания Крячко в должности после рабочего дня зазвали его в один из кабинетов, каждый выпил что хотел, и вопрос был задан в лоб, без обиняков.

В кабинете коммерческого директора находились хозяин, Егор Крупин, его заместитель – Илья Вагин, Дмитрий Закревский, который закончил МГИМО, знал несколько языков и занимался делами фирмы за рубежом, и юрист, перешедший в фирму из Министерства внешней торговли, Григорий Байков. Ребята – им было по тридцать с небольшим – были одеты неброско, но кажущаяся простота стоила серьезных денег, держались свободно, но не развязно, как с первого дня отметил Крячко, походили на иностранцев.

Крячко еще не исполнилось сорока, но по жизненному опыту он годился ребятам если не в отцы, то в дядьки точно. Он знал, что из недр фирмы уходит секретная информация и четверо присутствующих имеют к ней доступ. Короче, именно эти интеллигенты, умницы и всезнайки являются его, Крячко, клиентами. Он был человек действительно опытный, а не скорохват и скалолаз, потому к встрече тщательно подготовился, отлично понимал, что «пациенты» образованнее его, с более широким кругозором, в уме не уступают, потому, общаясь с ними, следует говорить правду и только правду. Естественнo, излагать ее надо в усеченном объеме и под специальным соусом, который Крячко называл «подливкой для умных и самоуверенных». Последнее качество на сегодняшний день являлось единственным уязвимым местом молодых руководителей фирмы.

Итак, собрались, выпили кто кофе, кто коку, юрист Байков и Крячко предпочли виски.

– Значит, вы к нам прямиком из МУРа прибыли, – сказал утвердительно коммерческий директор Егор Крупин, коротко стриженный блондин среднего роста, который сидел на углу письменного стола и покачивал ногой в сверкающем ботинке.

– Угу, прямиком. – Крячко поднял тяжелый литого стекла стакан, взглянул на янтарную жидкость.

– И Гурова, который нас терроризирует, давно знаете?

– Порядочно. – Крячко допил виски, заглянул в пустой стакан и уточнил: – Тринадцать лет, девять месяцев и... – он пошевелил губами, – дней восемнадцать.

Присутствующие рассмеялись, Байков налил в стакан Крячко виски, долил себе.

– Станислав, чего за хвостом гоняться? В МУРе, как и везде, полно дураков, судя по всему, вы из другой категории. Будем уважать друг друга. Что за человек ваш начальник и чего он добивается? Он пригласил вас замом, вы шатаетесь по офису, каждому доверительно сообщаете, что начальник ваш змей...

– Змей Горыныч, – уточнил Крячко и снова выпил.

– Так какого черта, спрашивается, вы сюда явились? – вспыхнул Илья Вагин.

– Не пыли, Илья, и не выкай! Лично я тебя пока не обидел. – Крячко плеснул в свой стакан виски. – А куда сыскарю податься, как не в службу безопасности? Время тяжелое, поэтому я предложение Льва Ивановича принял с радостью.

– А он змей?

– Натурально. Вы его еще не знаете, наплачетесь. – И Крячко довольно улыбнулся.

– Так что у вас... у тебя выбора не было? – спросил международник Закревский.

– Меня в столице знают, приглашали, – Крячко пожал плечами. – Так я же сказал: жизнь опасная наступила. Каждый нормальный желает, чтобы его уберегли. Вот я ко Льву Ивановичу и подался – Лев Иванович это вам не «Белый дом», не кремлевская стена, у которой ворота на все стороны света распахнуты. Гуров – стена! Ну, а что змей, так то стерпим, главное, чтобы не продали, не подставили, коли перешибет, и на себе вынесли. А вернее и мощнее Льва Ивановича Гурова я человека не встречал! – Виски «достало» Крячко, да он еще слегка наиграл, пафос у него получился абсолютно достоверный. – Скажете, не война? Война, ребята, натуральная война! А я под пресс и в дни благословенного застоя попадал. Кто меня прикрывал? Кто за меня кадровикам глотки рвал, карьеру свою увечил? Когда Лев Иванович меня позвал, я и минуту не сомневался...

Крячко вспомнил свою былую войну с Гуровым, как Гуров, раздетый под жениха, открыто бежал на ствол маньяка... как сам Крячко по приказу Гурова догонял, оскальзываясь на кочках Нескучного сада, далеко не игрушечного парня... Было что вспомнить. Он чуть не хлюпнул носом, плеснул в стакан, выпил, почувствовал, как в кабинете стало тихо, оглядел молодых умников и задиристым тоном закончил:

– А что Змей Горыныч, так это факт! Только хуже-то от того ему самому, больше достается. А что гонористо ходит да поверх смотрит, плюньте, не берите в голову, у него манера такая.

Глава 2

Сыск – работа обычная

Гуров вошел в свой кабинет, швырнул плащ, обогнул стол, сел в кресло, крепко припечатал ладонь к лежавшей перед ним папке, пошевелил губами, проглатывая матерщину, и довольно спокойно сказал:

– Вот такое интеллигентное я дерьмо, Станислав. Мне неудобно выгонять бездарей и лентяев, потому что убивают несчастных людей.

– Что-то я не видел, чтобы покойник был особо несчастным, хотя, ты прав, мы с тобой виноваты. Оба виноваты, а не ты один. – Крячко прошел между креслами, проверил, плотно ли закрыта дверь. – Не рви на себе тельняшку, думай. У главбуха должна была быть с собой папка либо портфель, на месте ничего не обнаружено. Какие документы пропали?

– Я запретил Ивану Сидоровичу выносить из офиса серьезные документы.

– Я запрещал своему Лешке из рогатки пулять, так он, паршивец, самострел соорудил...

– Главбух был человек серьезный. – Гуров поморщился, снял трубку, соединился с Юдиным. – Борис Андреевич, я у себя, через час зайду с докладом.

– Лучше через час сорок, Лев Иванович. И не ты ко мне, а я к тебе, меньше мешать будут.

– Договорились. Распорядись, чтобы в бухгалтерии приготовили копию документации, которую имел при себе Ситов.

– Мы как раз говорили об этом... Кажется, Иван не имел при себе документов.

– Но папка или портфель у него имелись или нет? Бухгалтер не ходит с пустыми руками. Прикажи, пожалуйста, проверить. Я у себя, – Гуров положил трубку. – Начнем работать?

– Мотив? – спросил Крячко.

– Завладеть документацией. – Гуров включил магнитофон. – Главбух одинокий, работает, а не служит, обязательно таскает с собой бумажки.

– Тогда плохо, – сказал Крячко. – У него работают три девочки, хоть одна, но знать должна бы, что начальник берет с собой.

– Срочно провести ревизию всех бухгалтерских документов. Узнай, не делал ли он ксерокопий. Если выяснится, что все документы на месте и никто не видел, чтобы главбух снимал копии, то убитый станет для нас фигурой номер один. Повторяю, я никогда не поверю, что при нем не было каких-нибудь финансовых документов. Вывод один – документы были, но он данный факт скрывал. И хватит об этом, может, все объяснится в ближайшее время. Итак, мотив?

– Мсть. Отказался дать информацию либо дал, но не полную, – сказал Крячко. – На меня он производил впечатление человека чисто плотного и не способного вести двойную игру.

– Сам себе противоречишь. – Гуров вынул из сейфа дискету, вложил в компьютер. – Давай взглянем на мои вымыслы...

Загорелся экран компьютера, Гуров начал выборочно читать:

– Пятьдесят два года... Разведен... Сын и дочь. Постоянная подруга, – Гуров взглянул на Крячко. – Проверить. Не пьет... уравновешен... малоинициативен...

Гуров выключил компьютер, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза.

– Чего молчишь? Человека расстреляли из автомата в подьезде собственного дома. Ты начальник отдела МУРа, должен знать все. Ответь, пожалуйста, за что расстреляли?

– Я бывший начальник, – задумчиво пробормотал Крячко. – Когда работал, так знал, а теперь понятия не имею. – Он помолчал, затем нехотя продолжил: – Ты, Лев Иванович, полагаешь, что по своим человеческим качествам покойник для вербовки не годился?

– Я этого не говорил, – перебил Гуров.

– Ты так полагаешь, и я с тобой согласен. С таким мягким, нерешительным, лишенным тщеславия человеком никто связываться не станет – слишком велик риск... Не забивай мне голову, никаких копий с документов он не снимал, никого не обманывал, жил человек тихо-тихо, половину зарплаты отдавал бывшей жене. Эту информацию я тебе дарю... Его новая мадам не хищница, тихая, некрасивая женщина, с которой он встречался два раза в неделю. Обычно они проводили вечер у него в квартире, иногда ходили в театр, реже в кафе или ресторан. Если научишься дарить девушкам шоколадки и пить с ними кофе, тоже будешь много знать. Убили Ивана Сидоровича потому, что он узнал то, чего ему знать не полагалось. И тут мы с тобой, многоопытный и гениальный сыщик, поплыли, так как криминальную информацию он узрел в бухгалтерских бумажках, а мы с тобой в этом деле профаны.

– Ты умный, – с искренней завистью произнес Гуров, выпрямился, открыл глаза, облокотился на стол. – Оставим пока покойника, поговорим о живых. Убийца?

– Ты имеешь в виду исполнителя? – Крячко потер ладонями лицо. – Муровский опер разыскал двух свидетелей, которые видели темноволосого худощавого мужчину в темном плаще, лет тридцати. Я позже позвоню в контору, узнаю, что удалось разыскать еще, но полагаю, что это он. Выскочил из подъезда сразу после стрельбы, свернул в проходной двор, думаю, на параллельной улице сел в машину. Сейчас плащи не носят, все в куртках. Под куртку автомат не упрчешь, потому плащ.

– Я хожу в плаще, – возразил Гуров из чистого упрямства. – Ты проверь жильцов подъезда.

– Учи, учи... Муровцы пахать по делу не станут, но такую проверку проведут. Узнаю. Надо полагать, убийца не уголовного окраса, бандит, заскочил в Москву с какой-нибудь войны. Ты спросишь, как на такого стрелка заказчик вышел? А он на убийцу не выходил, обратился по наезженному каналу к москвичам. А у них гость приبلудился, они ему долю отстегнули и направили. Так что ежели гром средь ясного дня грянет и убийцу возьмут, так от него к заказчику пути не будет.

– А кто заказчик? – без интереса спросил Гуров.

– Из дружков и сотоварищей Бориса Андреевича Юдина, нашего с тобой нового хозяина и благодетеля.

– Без любви вы обо мне говорите, господа сыщики, – сказал Юдин, переступая порог и направляясь к кофеварке. – Я не дослышал, кто что из моих сотоварищей?

– Организатор убийства, – ответил Гуров. – Борис, свари кофейку и на мою персону.

– Тут вы ошибаетесь, господа, – Юдин начал возиться с кофеваркой, затем достал из стола бутылку коньяку, налил в три стакана, взял один из них и пригубил.

Гуров встал, вышел из-за стола, с хрустом потянулся.

– Что сообщили из бухгалтерии? Какие документы были при убитом?

– Несколько копий последних платежей, ничего серьезного, – ответил Юдин. – А Ивана не могли убить по ошибке, приняв не за того?

– Это вряд ли. – Гуров тоже взял стакан, кивнул Крячко. – Станислав, глотни, помянем Ивана Сидоровича.

– К вечеру и помянем, – на деревенский манер ответил Крячко. – Я на службе не употребляю. – Он встал, направился к дверям. – Я пойду с вашего разрешения. – И вышел, не ожидая ответа, плотно прикрыв за собой дверь.

– С характером, – сказал Юдин.

– Мужик без характера не мужик – евнух. – Гуров выпил. – Я уволил Арепина, оформи приказом или как это у вас делается. Временно, пока не найдем человека, начальником охраны будет Крячко.

– Ты уверен?

– Обязательно. Я опоздал, следовало с этого начинать. Твоя охрана ни хрена не годится. Практически я плюю вслед ушедшему поезду. Смерть Ситова на моей совести.

– Ты же говорил, что охрана в порядке.

– Врал, и не будем об этом. – Гуров отодвинул одно из кресел, освободил проход, начал расхаживать вдоль стола. – Расскажи, как организовывалась фирма, как, где ты собирал людей, чьи мнения и деньги легли в основу... Не пойму, что со мной творится, я с этого должен был начинать.

– Ты считаешь, что в убийстве замешан кто-то из моих? – Юдин смотрел возмущенно и одновременно испуганно. Выглядел он плохо, лицо посерело, кожа обвисла, седые волосы, всегда тщательно причесанные, торчали в стороны, обнажились пролысины.

– Не распускай слюни, никогда не спрашивай, что я предполагаю. Во-первых, я сам не знаю, во-вторых, буду знать, никогда не скажу. Ты будешь получать только достоверную информацию, проверенные факты. На данный момент факты свидетельствуют, что дела наши хреновые и убийство главбуха только начало.

Гуров убрал со стола бутылку и стаканы, налил кофе, закурил.

– Я не люблю, когда со мной разговаривают в таком тоне, – Юдин расправил плечи, дернул подбородком, хотел продолжать, но Гуров перебил:

– Я разговариваю не с тобой, так как виноват. Ты коммерсант, а я сыщик, должен видеть чуть дальше собственного носа. Скажи мне, пожалуйста, кто, когда, на какие деньги купил Ситову квартиру и мебель?

– Что? – Юдин растерялся. – Квартира? Черт побери! Зачем тебе? – Он недоуменно взглянул, понял, что никаких объяснений не получит, начал вспоминать: – Иван развелся года три назад, снял комнату. Мы еще еле-еле сводили концы с концами, начинали разворачиваться. Я очень ценил Ивана, он был блестящий бухгалтер и честнейший человек. Серьезные деньги появились два года назад. Я сразу выдал Ивану ссуду на обустройство, тогда цены были другие, да и связи у меня, сам знаешь. Иван в житейских делах был лопух. Я это поручил Илье Вагину, он уже работал у меня. Ссуду Иван давно выплатил, да и деньги там были ерундовые. А почему тебя интересует это?

– Потому, – ответил Гуров. Ему не давал покоя вопрос, отчего человек в большой, благоустроенной квартире жил лишь в одной комнате.

Крячко сидел в бухгалтерии, пил чай и помалкивал. Он знал, что Ганна, Зина и Лина, работающие в бухгалтерии, относились к своему покойному шефу с прохладцей. Главбух был педантичен, суховат, стеснителен, однако занудно требователен. Человек умер не от инфаркта, к чему за последние годы привыкли, а был расстрелян из автомата, и девушки были удручены смертью и взволнованы ее трагическими обстоятельствами, живого начальника девочки недолюбливали, а теперь, когда человек погиб, вспоминалось только хорошее, даже трогательное.

– Он любил вишневое варенье, – сказала улыбчивая от природы Ганна, сведя смоляные брови.

– И всегда стеснялся попросить, – толстушка Зина взглянула на Крячко недовольно, ведь так хотелось поговорить с подружками, а в комнате все время посторонний.

Сначала толклись, проверяли документацию, теперь Станислав расселся, словно у себя дома, третью чашку пьет и уходить не собирается. В общем-то он парень свойский, не то что его начальник красавец-супермен, который лишнего слова не скажет, хотя уж они, девушки, чувствуют, что «особист» тот еще бабник.

Крячко прекрасно понимал, что мешает, но решил сидеть до победного: девчонки должны разговориться, долго им не выдержать. Но опытный оперативник ошибся. Увидев, что мужчина не уходит, и зная о месте его прежней работы, девушки не начали разговор между собой, а засыпали его вопросами, обрушились с критикой:

– Милиция совсем не работает.
– Убивают, грабят, насилуют, а менты чаи гоняют.
– Если бы только чаи, с утра водку глушат.
Крячко понял: все равно не отстанут, – и решил перехватить инициативу.
– У Ивана Сидоровича папка черная была. Он вчера с ней уходил?
– Вон лежит, – Зина указала на пухлую папку из кожаменителя. – Вчера Иван Сидорович ушел с коричневым портфелем, мы об этом уже сто раз говорили.
– Уже и список документов, которые находились в портфеле, давно составили, – недовольно сказала Ганна.
– Станислав, если по-честному, тебя из милиции за что погнали? – зло спросила Лина, самая привлекательная и уверенная. – Треплются, что ты даже в МУРе работал?
– Язык у людей без костей, что угодно мелют, – лениво, без обиды ответил Крячко. – Вчера Иван Сидорович на работу рано пришел?
– Как обычно, без пятнадцати девять...
– Уезжал днем? Он вообще часто отлучался из офиса и где бывал? – спросил Крячко.
Рассуждал оперативник незамысловато: раз в документах главбуха ничего интересного не было, значит, человек подхватил секретную информацию на стороне – и решил составить график трех последних дней убитого. Где он бывал, с кем встречался, о чем говорил?

Григорий Байков, юрист фирмы «Стоик», в прошлом году отметил тридцатилетие, четвертый раз женился и третий раз неудачно. Первая жена Григория умерла при родах, и он не успел понять, удачная была его первая попытка начать семейную жизнь или нет.

Дочка осталась жива, росла здоровенькой на руках своей бабушки, матери Байкова, женщины еще молодой, интересной и не собиравшейся заканчивать свою жизнь в бабках. Мать, которая рассталась с отчимом Григория с год назад, внучку любила, но и себя обожала, потому в третий раз вышла замуж и наемкнула сыну, что Дашенька – так звали девочку – существо хотя и очаровательное, но ребенок должен жить с родителями. И Байков двухлетнюю девчущку забрал к себе, в однокомнатную квартиру, и быстренько подыскал для нее маму. Молодая, хорошенечкая, сама считавшая себя красавицей, избранница продержалась в однокомнатной обители Гриши Байкова менее полугода. Она желала – кто ее осудит! – беззаботной жизни и мужа, который бы ублажал, развлекал, в общем, соответствовал. А получила чужого ребенка, заботы, которые ни к чему и перечислять, и замордованного мужика. Григорий в тот год заканчивал вечерний юрфак и начал работать во Внешторге, где получал нищенскую зарплату. Где у претендентки в красавицы были глаза до загса, остается гадать. Справедливости ради то же самое можно было бы сказать и в адрес самого Байкова, так как супруга и не изображала любовь к детям и тягу к семейному очагу.

Григорий женился еще дважды. Со стороны казалось, что человек упрямо пытается начать новую жизнь по старому сценарию: все жены походили друг на друга, разве что следующая оказывалась стервознее предыдущей.

Парадоксально, но факт: Григорий Байков лишь в выборе супружницы был опрометчив и неразумен. В остальном он проявлял себя как человек хваткий, даже жесткий, дальновидный. Можно смеяться сколько угодно, но он разбирался в людях и был осторожен в знакомствах. В фирме «Стоик» Байков работал чуть ли не со дня ее основания. Борис Андреевич Юдин своего юриста ценил, так как последний не раз доказывал свою проницательность и неподкупность – качества, ценимые во все времена.

Узнав, что главбуха расстреляли, Байков заперся в своем кабинете, припомнил события последних месяцев и понял: он дошел до края, еще шаг – и падение неизбежно. Однако, просчитав возможные варианты, юрист убедился, что и обратной дороги для него нет, точнее, есть, но одному никак не выбраться, нужна квалифицированная помощь. Шеф помочь не может, о

сотоварищах по мозговому центру фирмы и говорить не приходится, остается только начальник службы безопасности. Дело в том, что у Байкова были знакомые как на Петровке, так и в Министерстве внутренних дел. Только появился Гуров, юрист навел о нем справки. Он не делился полученной информацией с коллегами – совершенно ни к чему, чтобы люди знали, какой ас пришел в фирму. Байков словно предчувствовал приближение развязки и понимал, что только маститый сыщик сможет оказать помощь.

Необходимо сегодня же встретиться с Гуровым, выложить все начистоту, пусть гений сыска и решает, как ему, Григорию Байкову, жить дальше.

Разговор с Юдиным затянулся, но, как Гуров и предполагал, ничего конкретного не принес. Гуров не любил торопиться с оценками, впитывал информацию, позже, оставшись один, начинал разбираться, благо памятью обладал прекрасной, выборочной. Он мог забыть, как зовут случайного знакомого, но прекрасно помнил имена, клички, характеры, даже мельчайшие приметы многочисленных преступников, с которыми работал.

– Не будем спешить... Однако складывается у меня впечатление: я для твоей фирмы человек малополезный, – сказал Гуров. – Такое обтекаемое слово «малополезный». Охранников я тебе подберу, а с убийством вряд ли разберусь.

– Не пори горячку, Лев Иванович, – сердито ответил Юдин. – Как ты сам любишь выражаться, еще не вечер.

– Человек еще не придумал слова «криминалистика», а уже изрек: кому выгодно? Невозможно расследовать преступление, не понимая, кому оно выгодно. А я в финансовых вопросах на уровне таблицы умножения. Видишь ли, твой главбух узнал, что ему знать не полагалось...

– Ты хоть и умен, а говоришь глупости, – перебил Гурова Юдин. – Следуя твоим рассуждениям, ты не можешь расследовать никаких преступлений, кроме бытовых. Убьют архитектора... биомеханика... Существуют тысячи профессий, в которых ты ни черта не смыслишь. Я тебя и слушать не желаю!

– Я не знаю, с какой стороны и подступиться, – Гуров вздохнул, безвольно опустил руки, решая, не переигрывает ли в своей растерянности. Он прекрасно помнил, как однажды ему сказали, что актер он бездарный.

Но Юдин смотрел сочувствующе, даже вздохнул в унисон. Он не ведал, что Гуров никогда не бросает начатого дела, тем более если произошло убийство, к тому же он хотя и косвенно, но виноват. Да Гурова сейчас от данного расследования не то что плетью – обухом было невозможно отшибить. С каждым часом он все больше наливался злостью и упрямством. В подобных случаях его товарищи и подчиненные начинали жаться по углам, даже генерал Орлов, друг и начальник, старался с Гуровым встречаться пореже, ожидая, пока «Левушка не определится во времени и пространстве».

– Ты мое предложение принял и приступил, должен слово держать, – сказал Юдин, поглядывая с опаской на расхаживающего по кабинету Гурова.

– Купля... продажа... контракты... поставки! – повысил голос Гуров. – Я в этом не смыслю ни... совсем! Я не знаю полномочий бухгалтера. Может бухгалтер передернуть без твоего ведома?

– Бухгалтер многое может, но он был занудный, въедливый, честнейший человек, и его документация в полном порядке.

– Убийство не случайное, а заказное. Это я тебе говорю! Так за что же его убили?

– Ты сыщик – узнай.

– Не буду! Я хозяйственными делами в жизни не занимался!

– Будешь!

– Так дай же мне хоть что-нибудь! – Гуров протянул руку, сложив ладонь горсточкой, словно нищий.

Гуров не верил, что генеральный директор ничего о причинах убийства не знает. Человек часто скрывает какой-то факт, считая, что последний не имеет к существу дела никакого отношения. Случается, человек не может выделить главное событие из общего потока повседневных дел и в своем умолчании бывает вполне искренен. И наконец, самое скверное, Юдин может быть замешан в криминале, который совершался с его молчаливого «неведения».

– Мне нечего тебе дать, – ответил шеф, и Гуров почувствовал, что он лжет. – Как все нынешние бизнесмены, мы ходим по грани дозволенного, порой переступаем черту, но в российских законах сегодня ни один юрист в мире не разберется. Но наша жизнь типична для сегодняшнего дня, иначе и шагу не сделаешь, я уж не говорю о прибыли. Тебя это не касается. Я тебе сказал, у нас уходит информация, мы терпим финансовый ущерб...

– А я тебе говорю, что ты лжешь! – перебил Гуров. – Знаю, ваши трали-вали касаются налогов. Но налоговое управление не нанимает автоматчиков.

– А это твоя головная боль.

– Согласен. Мы с тобой однажды бились об заклад. Помнишь?

– Насчет бриллиантов, которые находились в «Мерседесе»? – Юдин непроизвольно улыбнулся.

– Верно. Говорю, как тогда: я пойду к тебе работать шофером, если в ближайшее время тут кого-нибудь снова не прихлопнут... или того хуже...

– Хуже не бывает...

– Ты же знаешь, что бывает. И главное! – Гуров ткнул Юдина в грудь так больно, что шеф охнул и упал в кресло. – Когда я это дерьмо разгребу, ты вспомнишь сегодняшний день и признаешься, что мог мне помочь и не помог.

В дверь стукнули, на пороге появился Крячко, мгновенно оценив ситуацию, попятился, пробормотав:

– Ничего срочного...

– Станислав, заходи, мы тут играли в детскую игру «веришь не веришь». Выяснили, что не верим другу другу абсолютно, потому решили дружить до гробовой доски. – Гуров махнул рукой в сторону кофеварки. – Рабочий день не кончился, потому не предлагаю крепкого.

– Игра интересная, и решение вы приняли верное. – Крячко прошел мимо Гурова, глянул мельком, отметил, что голубые глаза шефа как бы прихвачены ледком, и искренне улыбнулся Юдину, так как генеральному директору в этот момент не завидовал. – Пить я ничего не могу, кофе и чай у меня в горле булькают.

На пульте управления раздался щелчок, затем уверенный, с чуть заметной хрипотцой, голос секретарши:

– Лев Иванович, шеф у вас? Скажите ему, что приехали из прокуратуры.

Гуров нагнулся к микрофону и ответил:

– Спасибо, Борис Андреевич сейчас будет.

– Началось. – Юдин встал, поправил галстук и уныло произнес: – Теперь, известно, житья не дадут, затаскают.

– Нормальный ход! – Крячко шлепнул себя по ляжкам. – У твоего приятеля подчиненного убили, а они...

– Станислав, – Гуров болезненно поморщился, – не первый год замужем, отлично знаешь, Борис нормальный мужик: зуб болит, а к врачу идти не хочется. Выкладывай, что раздобыл?

Крячко пробормотал что-то о христианстве и всепрощенчестве, достал из кармана бумагу, но разворачивать не стал.

– Если бухгалтер схватил смертельную информацию, то, полагаю, за последние трое суток. Скорее это произошло вчера, иначе его бы ликвидировали раньше. Я попытался составить график, по которому передвигался убитый, за два дня, так как третьего дня он из офиса не выходил, обедал за рабочим столом.

Позавчера бухгалтер пришел на работу лишь к обеду, утром на Белорусском вокзале встречал свою приятельницу, которая была в отпуске, отдыхала у родственников. Я с женщиной разговаривал. Покойный действительно ее встречал, на вокзале ничего необычного не произошло, взяли носильщика, так как было много вещей: родственники насовали банок с соленьями, – Крячко сделал паузу, затем продолжал: – Вчера бухгалтер работал до обеда, потом поехал на склад, но пробыл там всего ничего, минут сорок, сказался больным и уехал домой.

Крячко замолчал, смотрел вопросительно. Вопрос напрашивался, и Гуров произнес его вслух:

– Вчера приболел, сегодня убили. Случайное совпадение или причина и следствие?

– Можно предположить, что бухгалтер обнаружил на складе... неположенное. Человек он был мягкий, нерешительный и растерялся – доложить страшно и не докладывать совестно.

– Прост же ты, Станислав, как штыковая лопата, за что и люблю тебя. Бухгалтер занимается бумажками, а не проверкой груза. А в бумажках криминала, который бы нес смерть, быть не может. Не банковские счета – накладные, у бухгалтера экземпляр, на складе копии, или не так?

– Ты со своей критикой в Думу отправляйся. Критиковать и ломать каждый может. Лучше предложи что-нибудь конкретное, а я послушаю. Да будет тебе известно, гений, что накладная все стерпит, а фактическое наличие груза может написанному не соответствовать.

– Мысль интересная, главное, свежая. – Гуров подмигнул приятелю и, передразнивая, надул щеки. – Теперь выдохнем дружно и продолжим.

Но продолжить им не удалось, в дверь постучали, и в кабинет вошли коммерческий директор Крупин и юрисконсульт Байков.

– Не помешали? – спросил Крупин и, не ожидая ответа, шагнул к Гурову, хотел взглянуть грозно. – В офисе шурует прокуратура, менты в штатском расселись по кабинетам, а служба безопасности, которая получает заработанные нами деньги, попивает кофе и в ус не дует. – Он наступал, теснил сыщика.

Крупин, щуплый и небольшого роста, с торчащими ушами, рядом с широкоплечим Гуровым смотрелся несерьезно, словно беспородный щенок, атакующий волкодава. Крячко прыснул в кулак и уселся в самое дальнее кресло, прикидывая, даст шеф мальчишке «раза» или поступит иначе. Станислав знал Гурова очень давно, но не всегда угадывал реакцию друга в острых ситуациях.

– Ну, извини, Егор, – Гуров мягко отстранил Крупина, обогнул стол-крепость, вроде отступил и спрятался. – Ты должен меня понять: я бывший, а они при исполнении...

– Егор! – Юрисконсульт Байков, фигурой покрупнее, запоздало схватил приятеля за локти. – Ты же интеллигентный человек, стыдно, ей-богу!

– А за что мы им деньги платим? – Защищенный от Гурова столом, чувствуя, что его держат, Крупин начал еще больше распаляться, даже пнул стоявший рядом стул.

– А черт его знает! – воскликнул Гуров, усаживаясь в свое начальственное кресло и с любопытством наблюдая за молодыми начальниками.

– Вы знаете, сколько банкиров и служащих коммерческих структур убили за последнее время? – спросил Крупин и по-детски хлопнул носом.

Гуров пожал плечами, взглянул на Байкова.

– Григорий, сварите себе кофе, на нижней полке есть коньяк. Станислав, узнай, кто приехал из прокуратуры и каковы намерения?

– В отношении последнего могу сказать сейчас, – буркнул Крячко и вышел.

Юрист ловко сварил кофе, налил Егору Крупину рюмку коньяка, когда оказался между ним и Гуровым, положил на стол сложенный вчетверо листок бумаги, подтолкнул Гурову. Сыщик взял листок, убрал в карман и спросил:

– Я слышал, но не вникал в подробности, что вы готовите к отправке в Германию большую партию товара. Интересно, чем мы можем заинтересовать столь отсталую страну?

– Плетеной мебелью, – ответил Крупин. – Мы закупаем во Вьетнаме тростник и бамбук, специальные лаки и делаем мебель, которая пользуется в Европе спросом.

– Так прямо и делаем, и пользуется спросом? – с сомнением произнес Гуров.

– Егор, объясни по-человечески, – сказал Байков.

– Ну, плетет тростник, создает эскизы и цветовую гамму Вьетнам, а нам присылает полуфабрикат, мы собираем и освежаем лаком.

– А на кой вы Вьетнаму нужны, торговали бы напрямую? – удивился Гуров.

– В собранном виде мебель очень громоздка, отправлять ее морем дорого, – сухо ответил Крупин. – Складированная плетенка и бамбук занимают места в десять раз меньше и идут по железной дороге, а это четыре пятых пути.

– У вас большие мастерские? – спросил Гуров.

– Нет, они расположены при складах, – ответил Крупин.

Гуров неожиданно для себя сложил простейшую конструкцию преступления, к которому, не ведая, что творит, мог прикоснуться главбух. Сыщик давно уяснил, что если конструкция по-детски проста, то это отнюдь не означает, что предположение ложно. Он неумышленно поднял глаза на юриста Байкова и увидел в лице его не только тревогу, просто панику. Но взгляд Гурова юрист выдержал и чуть заметно кивнул.

Глава 3

След обрывается

Рабочий день закончился, служащие разошлись по домам, в офисе остались охранник, Гуров и Крячко, который вертел в руках записку Байкова, разглаживал ее, чуть ли не нюхал, даже смотрел на свет.

«Сегодня после девятнадцати позвони мне домой. Необходимо встретиться. Очень важно». Подписи не было, что естественно, так как записку передали из рук в руки.

Шел девятый час вечера. Гуров набирал номер Байкова каждые десять минут, но к телефону не подходили.

– Ну и как вы полагаете, господин полковник, мы получим еще один труп? – равнодушно произнес Крячко.

– Где твой криминалист? – спросил Гуров.

– Парень из НТО, наш человек, сказал: «Освобожусь, приеду».

Тут же позвонили с вахты, дежурный охранник сообщил, что два парня назвались сотрудниками милиции, хотят войти.

Крячко вышел и тут же вернулся в сопровождении двух сотрудников научно-технического отдела с традиционными чемоданчиками в руках.

– Здравия желаю, Лев Иванович, – сказал один из них, широколицый блондин лет пятидесяти. – Сколько лет. – Он пожал Гурову руку, даже поклонился. – Что беспокоит господ сыщиков? Вопрос риторический. Всех беспокоит одно и то же. Прослушивается ли данный кабинет? Не приступая к осмотру, могу с уверенностью ответить: безусловно.

– Коллега, – вздохнул Гуров, – кабинет только построили и тут же проверили.

– Даже не смешно, – ответил эксперт, кивнул напарнику, они открыли свои чемоданчики, достали аппаратуру.

Гуров безуспешно пытался дозвониться до Байкова. Эксперты осмотрели все кабинеты офиса, сложили изъятые «жучки» в сумку.

– Не сравню вашу экипировку с американским посольством, не бывал, знаю по слухам, но думаю, вы могли бы и посоперничать.

– Каков технический уровень людей, устанавливающих все это? – поинтересовался Гуров.

– Нормальный, современный, но рука русского мужика чувствуется: мол, нечего хитрить, и так сойдет. Ставили профессионалы, но не из «конторы». Те работают почище.

– Спасибо, коллега, – Гуров протянул сто долларов. – С какого расстояния нас слушают?

– Из дома напротив, из машины, припаркованной в радиусе примерно до двухсот метров. Техника старенькая, далеко не люкс. – Криминалист отпихивал руку Гурова. Тогда полковник шлепнул его по затылку, сунул доллары в карман.

– Сколько времени нас не будут слушать?

– Ну, господин сыщик, и вопросы у тебя! – хмыкнул эксперт. – Нас и сейчас могут запросто слушать, а «жучки» вернуть может первый же посетитель. Не в полном объеме, так ведь курочка по зернышку, известно.

– Спасибо, приходи через неделю, повторим санитарный час.

Гуров на «семерке», Крячко на «Мерседесе» поехали на квартиру Байкова. После девяти вечера пробок на улицах уже не было, держались они друг от друга на расстоянии метров триста, наблюдали, нет ли за ними хвоста, переговаривались по телефону.

Добротный, из светлого кирпича девятиэтажный дом, в котором жил Байков, располагался в начале Ленинского проспекта. Сыщики поставили машины поодаль друг от друга. В подъезд войти не удалось: дверь была заперта на цифровой замок, а на звонки никто не отзывался. Но вскоре из дома вышла супружеская пара, и Гуров с Крячко вошли в подъезд, поднялись на седьмой этаж, остановились у стальной двери, позвонили.

– Что дальше? – Пользуясь правом подчиненного, Крячко, задавая вопросы, смотрел ехидно. – Будем ждать, когда они изволят вернуться?

– Станешь продолжать в том же духе, я тебя оставлю до утра здесь, а сам отправлюсь спать, – ответил Гуров и вновь позвонил.

В ответ брякнула цепочка соседней двери, и густой уверенный голос произнес:

– Если вы к Григорию, то он в больнице.

В узком дверном проеме, который пересекала солидная цепочка, мелькнул генеральский погон. Гуров встал так, чтобы хозяин мог его видеть, и мягко сказал:

– Добрый вечер, товарищ генерал-лейтенант, – и протянул в щель удостоверение, полученное от Орлова. – Давно увезли Байкова, куда и что с ним случилось?

Генерал долго не отвечал, сопел, видимо, изучал удостоверение, затем документ вернул и неохотно ответил:

– Опоздал ты, полковник, этого прохвоста давно надо было сажать.

За дверью раздались легкие шаги, шепот, затем дверь прикрыли и тут же распахнули. Генерал сверкал золотыми погонами в глубине квартиры, а на пороге стояла пожилая, очень стройная, со вкусом одетая женщина.

– Здравствуйте, господа, и проходите.

Сыщики оценили качество паркета, сняли ботинки, надели лежавшие у вешалки тапочки.

– Меня зовут необычно – Мария Ивановна. На моего генералиссимуса внимания не обращайтесь. Случай тяжелый и безнадежный. – Она махнула тонкой рукой.

– Маша! – подал голос хозяин, но в прихожую не вышел.

– Миша, по коням и поставь чайник. Мы будем в гостиной.

И дом, и планировка квартиры, и мебель были пятидесятих годов – все солидно, крепко, основательно, очень чисто. Хозяйка улыбнулась Крячко, разрешила Гурову поцеловать ей руку, пригласила в столовую, в центре которой располагался овальный стол, охраняемый полдюжиной стульев с высокими резными спинками.

– В этом году справляли золотую свадьбу. Я терплю этого бандита-большевика всю жизнь. – Голос женщины звучал тепло. – Он приличный, а по сегодняшним меркам – порядочный человек.

Коллеги переглянулись, понимая, что женщина одинока, ей необходимо выговориться, если хочется что-то узнать, необходимо терпеть.

Мария Ивановна выставила на стол сервиз из прекрасного фарфора, прокомментировав:

– Михаил в Германии украл.

Генерал сменил китель на домашнюю куртку и беззлобно ответил:

– Каждую чашку кровью обмыл, Машенька, причем своей лично, народной не прикрываюсь.

– Молчи, старый. – Супруги пикировались, поглядывая друг на друга ласково.

Хозяйка разлила жидковатый чай, указала на вазочку с сушками, неожиданно звонко рассмеялась.

– Конечно, мы в жизни за разными столами сживали, но такой натюрморт наблюдали частенько. Так вас, молодые люди, интересует наш сосед – Григорий Байков?

– Мария Ивановна, простите ради бога, это крайне неприлично, я понимаю, но вы женщина благородная, – с этими словами Гуров извлек из кейса бутылку виски и коробку шоколадных конфет.

Хозяйка свела красиво очерченные брови, пожала плечами, вздохнула:

– Что ж, люди как люди – слабые, – и поставила на стол хрустальные рюмки.

Крячко молча разлил виски, распечатал конфеты, а Гуров, глядя в основном на женщину, сказал:

– Мы с вашим соседом в одной фирме служим. Утром у нас несчастье произошло, мы договорились после семи вечера созвониться и встретиться. Звоним, а он трубку не берет, вот и подъехали узнать. Так что же с ним случилось? Часов в пять он был у меня в кабинете и вполне здоровенький.

Генерал смотрел из-под кустистых бровей насмешливо, явно не веря ни одному слову. Хозяйка тонкими пальцами поправила прическу, ответила нерешительно:

– Точно не могу сказать. Григорий, когда его санитары выносили, не то чтобы без сознания, но вялый был. Мне объяснили, что ему сделали обезболивающий укол. Якобы Гриша на нашей лестнице оступился, какой-то нерв в спине повредил, до квартиры еле дополз и вызвал «скорую».

– А вам не позвонил?

– Я тоже удивляюсь. Чуть что – он ко мне: «Мария Ивановна, Мария Ивановна». То с дочкой посидеть, то еще что.

Генерал выпил. Тряхнул седой шевелюрой.

– Что дети малые, взяли Григория, факт – взяли! У вас извечно, – он глянул на Гурова, – не то что руки, пальцы друг с дружкой во вражде живут. Вон рядом, в Первую градскую его повезли, отделение неврологии, пойдите разыщите. – Генерал вновь налил и быстро выпил, боялся, что жена остановит. – Что я, не видел, как «скорая» берет? Григорий только дверью стукнул, а они уже здесь. Известно, вкололи, уложили, к носилкам привязали, чтобы не выпал.

– Простите, дочке его вроде пять лет, – сказал Гуров. – Где она?

– Даша? Около шести она из сада сама вернулась, это у нас во дворе, заглянула к нам, сказала, что идет к бабушке. Тут совсем рядом.

– Девочка часто ходит к бабушке? – спросил молчавший до этого Крячко.

– Нет, та как выскочила замуж, так, пожалуй, здесь раз всего и была, а Даша сама к ней не ходила.

На улице Гуров закурил, хотел что-то спросить, но сказал иное:

– Давай здесь, какие имеются, концы подберем. Ты – к матери Байкова. Ничему не верь, пока не увидишь девочку своими глазами. Пять лет, с ней и поговорить можно. А я в больницу, попробую отыскать героя. Хотя там, конечно, в такое время сам черт ногу сломит, врачей нет, справочная не работает...

– Не пыхти, – перебил Крячко. – Если его взяла «скорая», то в приемном отделении тебе все сообщат.

– Ты как всегда прав, – ответил Гуров, отпирая «Жигули». – Адрес матери знаешь?

– Учи меня, учи. – Крячко сел в «Мерседес». – Встречаемся через тридцать минут на той стороне.

– Нет, встречаемся у меня на квартире. Кто первый прибудет, тот готовит ужин. – Гуров сел в «Жигули» и через несколько минут подъехал к Первой градской больнице.

К удивлению сыщика, найти Григория Байкова не составило никакого труда. В приемном отделении тут же сказали, что такой больной поступил сегодня в 18 часов 47 минут, направлен в отделение неврологии, и даже вежливо объяснили, где данное отделение найти.

В отделении, кроме больных, которые курили на лестничной площадке или разговаривали с родственниками, никого не было. Гуров заглянул в одну палату, в другую и наконец наткнулся на сонную, смертельно уставшую медсестру, которая, сидя за столиком, грела ладони над стоявшим перед ней чайником.

– Около девятнадцати?.. Байков?.. Чернявый, с носом? Якобы обострение радикулита? Ущемление у него? Совесть ему ущемили, – говорила сестра без злости и без иных эмоций. – Заведующий вокруг него танец с саблями исполнял, велел отдельную палату выделить. И мне действительно тяжелую больную пришлось в общую переводить. Миллионщики чертовы.

– Капризен, слов нет, – льстиво согласился Гуров. – Где его найти?

– Вторая справа. – Сестра отвернулась и прижалась щекой к чайнику. – Знобит, сил нет.

Гуров тихонечко вошел в указанную палату, по привычке к темноте, разглядел белую кровать, услышал ровный храп и зажег свет. В палате стоял телевизор, телефон, воздух был чистый, абсолютно не больничный. Из-под одеяла торчала смоляная шевелюра Байкова, который спал, свернувшись калачиком, и похрапывал. Гуров осторожно приподнял одеяло, увидел лишь нос, но это был нос, который производил впечатление. Сочетание такого уникального носа, смоляных волос и бровей не вызывало сомнения, что в кровати спит юрист фирмы «Стоик» Григорий Байков.

Гуров облегченно вздохнул, вернулся к двери, где его поджидала медсестра, которая не могла расстаться с чайником.

– С больным можно поговорить? – спросил Гуров.

– С больным! – фыркнула медсестра. – Перцовый пластырь, растирка, шерстяной платок и, если совсем бездельник, день можно поваляться дома. Хулиганье!

– По-вашему, он симулянт? – спросил Гуров.

– Ну дернуло его слегка! – Сестра выпроводила Гурова из палаты, закрыла дверь. – Знакомства, деньги, нежелание притерпеться и, пожалуйста, – отдельная палата! Это при нашем-то положении! Валюта! Сегодня за «зеленые» можно койку на Луне получить.

– Не понимаю, – Гуров привычно пожал плечами. – Пусть и отдельная, но ведь палата! Хоть потолок в алмазах, так ведь больничный потолочек-то! Сестра, давайте я с ним переговорю, он вмиг вам место освободит.

– Поезд уже ушел, господин хороший. Я по приказу заведующего ему такую дозу новокаина и снотворного вкатил, что теперь до утра.

– До утра так до утра, – согласился Гуров и взглянул на сестру милицейским взглядом, после которого у сыщика никто удостоверения не спрашивал. – Мне во сколько подъехать? Хочу сам зашнуровать его ботинки.

– Понятно, – сестра повеселела. – Приезжайте к девяти, я его шмотки припрячу, отдам только при вас.

– Вот и ладушки, сестренка, люблю красивых и сообразительных. Значит, до завтра.

В своей квартире Гуров оказался раньше Крячко и начал готовить ужин. Настроение было так – середина на половину. Разговор с медсестрой сначала вдохновил, появились кое-какие мысли. Но по дороге сыщик почувствовал, что его «ведут». Он пару раз шарахнулся, проверился, ответа не получил, гонять и проверяться не хотелось, тем более что «ведущие», конечно, знали, где он живет, могли его «бросить», затем вновь «принять» у дома.

Закипел чайник, поджарилась колбаса. Гуров начал готовить традиционную яичницу, когда приехал Крячко. Он подхватил со сковородки кусок колбасы, обжигаясь, начал есть и, лишь проглотив, сказал:

– Девочка жива-здоровая, находится у бабушки. Интересного мало, но кое-что настораживает.

Гуров кивнул, налил в стаканы водки, молча выпил.

– Ты замечаешь, Лев Иванович?

– Прекрасно, но этим я пока управляю, – перебил Гуров.

– Так утверждает любой алкоголик. – Крячко выпил половину своей порции и занялся едой.

Гуров рассказал о результатах своей работы, кивнул:

– Твоя очередь, Станислав.

– Дарья пришла к бабушке около восемнадцати часов без приглашения. Бабушка – Зинаида Борисовна Ганевская, фамилия нового мужа, лет пятидесяти, хочет выглядеть на тридцать, красива, эгоистична, умна. Живет она в двухкомнатной квартире мужа, от прихода внучки, мягко говоря, не в восторге, но изображает.

Хозяйка угостила меня отвратительным кофе, повторяя, что амурные дела и миллионы сына ее совершенно не интересуют. Чистейшая ложь, даже прикрыть нечем. Около шести ей позвонил Байков, попросил приютить дочь на несколько дней, так как он уезжает в командировку. Уверен, что сын обещал вознаградить ее по-царски. Все.

– Продолжай, – Гуров глянул усмешливо, налил себе третью порцию, в стакан Крячко добавлять не стал. – Давно не работал с профессионалом. Орлов, конечно, высший класс, но у него, кроме меня, дел невпроворот. Ну, ничего, скоро будем в одной лодке, мы его загрузим, извини, не посмотрим, что бывший начальник и генерал.

– Ну, на Орлова залезать, что на тебя, что на крутую ледяную горку. Долго карабкаешься вверх и очень быстро летишь вниз. – Крячко встал, поставил на плиту чайник. – Что я думаю? Да то же, что и ты, начальник. Байков запутался в криминале краем, не напрямую, решил пойти в сознанку и пригласил тебя на встречу. Старшие товарищи об этом прознали и мгновенно среагировали. «Парень, – сказали ему, – сиди тихо и не шали, иначе мы тебе сделаем бо-бо».

– А как узнали? – поинтересовался Гуров. – Ну, хорошо, фирма прослушивалась. Но я убежден, Байков по телефону неосторожных разговоров не вел и ни с кем из сотрудников не советовался. Очень быстро, ловко...

– Самое приятное, мы не знаем, каков криминал, даже его характер, – перебил Крячко. – Как ты выражаешься, можно предположить, что он связан с партией товаров, полученных из Вьетнама, которые проверял покойный бухгалтер. Завтра ты pomoжешь зашнуровать ботинки юристу Байкову, который спрятался в больнице, словно страус, и он тебе ничегошеньки не скажет.

– Это вряд ли, – сказал Гуров, явно думая о своем. – Он не захочет говорить, но мы ему поможем.

– Нет, – уверенно произнес Крячко. – Тот редкий случай, когда твое мастерство не поможет.

– Жизнь покажет. – Гуров хотел было налить еще, но взглянул на друга и убрал бутылку в холодильник. – В фирме работают два человека из чужого лагеря. Возможно, они друг друга не знают. Мы не знаем ничего...

– Моя любимая телевизионная игра «Что? Где? Когда?». – Крячко свою недопитую водку подвинул Гурову. – Времени у нас несколько больше, чем у знатоков, только мы играем не на деньги – на человеческие жизни.

– Не говори красиво, Станислав. – Гуров выпил его водку и закурил.

– Чудится мне, что бухгалтера убили не за бухгалтерские дела, – сказал Крячко. – Ищем мы не там, да и не знаем, что ищем. Главное, инициатива не у нас.

– Обязательно, – согласился Гуров, – надо ее каким-то образом перехватить. Как? Понятия не имею. На складе мы ничего не найдем. Ты прав, Байкова напугали так, что он рта не раскроет. Киллера, который убил главбуха, думаю, уже нет в живых, и на заказчика нам не выйти.

– Лев Иванович, не изображай. Ты сам отлично знаешь, путь у нас один: выявить их людей в офисе и сыграть с ними втемную, – сказал Крячко. – А психолог у нас один, я лишь скорохват.

– Уничтожение – грех паче гордыни, что ты присоветуешь?

– Ты сам большой и умный. – Крячко снял телефонную трубку, позвонил домой. – Добрый вечер, дорогая. Где я? На презентации у твоего давнишнего друга Льва Ивановича Гурова.

Ты знаешь, он не бабник, у него во множестве присутствуют другие недостатки. Когда? Минуточку. – Он крикнул Гурову, который возился в кухне: – Благоверная интересуется, когда ты меня отпустишь?

– Давно бы ехал, и чего пристал, не понимаю, – ответил Гуров. – Пользы от тебя как от козла молока.

– Слышала? Оскорбляет. Для них дело привычное, хлебом не корми, дай пнуть подчиненного. Выезжаю.

Крячко только положил трубку, как телефон зазвонил.

– Слушаю. Он самый. Где? Из какого оружия? Поздравляю, майор, значит, убийство ты раскрыл в кратчайшие сроки. Или, как выражаются газетчики и фраера, по горячим следам. Спасибо, что позвонил.

Крячко прошел на кухню, взял со стола бутылку, плеснул в стакан и выпил:

– Малого нашли у Ленинградского рынка, застрелен из того же автомата, который был упрятан под тело.

Гуров равнодушно кивнул, закурил.

– До завтра. Принесет это результат или нет, я утром еду в Первую градскую, помогу больному зашнуровать ботинки.

Байков подошел к машине Гурова так аккуратно, словно нес на голове сосуд с водой. Такая походка была типична для радикулитчиков. Сыщик оценил артистические способности юриста и из машины не вышел, не помог сесть, лишь открыл переднюю дверь, на стоны Байкова и сложные маневры усаживания попросту не обратил внимания. Они уже виделись в палате, здоровались, на просьбу Байкова дать ему полежать еще пару деньков, Гуров не ответил, заведующий куда-то «пропал», дежурная сестра принесла вещи, сыщик сказал, мол, одевайтесь, я жду внизу в машине, и исчез. Его обещание помочь «больному» обуться оказалось пустой угрозой.

Вернувшись к машине, Гуров вынул из кармана специальный аппаратик, который тут же зафиксировал, что машине за считанные минуты успели прилепить «уши». Сыщик не стал их искать, отнесся к происшедшему философски.

Наконец Байков уселся, вытер лицо платком и сказал:

– А вы совершенно равнодушны к чужим страданиям?

– Отчего же, Григорий, я вам искренне сочувствую, – Гуров взглянул на орлиный профиль юриста, на смоляные волосы и брови и мягко тронул «Жигули».

Они влились в поток машин, развернулись в обратную сторону и двинулись к центру.

– Я хочу домой, у меня больничный, – Байков пытался говорить уверенно. Гуров молчал, следил за дорогой, поглядывал на «ведущий» их «Форд». Затем вздохнул, закурил, предложил сигарету Байкову и миролюбиво сказал:

– Заскочим в фирму. Если в течение часа вам не станет лучше, я отвезу вас домой.

– Вы полагаете, что именно в этом состоят обязанности начальника службы безопасности? – язвительно спросил Байков.

– Черт его знает, в чем состоят мои обязанности, – равнодушно ответил Гуров.

Он прекрасно понимал, что коммерсант ждет вопроса о записке, которую он передал вчера. Но задавать подобный вопрос было и рано, и глупо, и уж, конечно, не в присутствии посторонних.

– Вот попал так попал, – начал нерешительно Байков. – Вы человек посторонний, казалось бы, на такую щепетильную тему следует говорить с друзьями... – Он замолчал, ожидая, что Гуров ему поможет откровенничать.

Сыщик лишь понимающе кивнул, любопытства не проявил.

– Видите ли, Лев Иванович, сугубо между нами, я еще не алкоголик, но запойный, и уже три дня в пурге, а тут еще радикулит схватил железной лапой, вот и решил упрятаться в больницу, привести себя в порядок. Мне пить совсем нельзя: бессонница, провалы в памяти. Какой же я к черту юрист, ежели ни черта не помню. К примеру, вчера: помню, что Ивана Сидоровича убили, как выпили – помню, а дальше – словно черная дыра. Дома лежу, санитары... Упал, наверное, и Лешке в больницу позвонил уже по автомату, но в беспомощности.

Гуров повернулся к Байкову, изобразил максимум понимания, обаятельно улыбнулся:

– Обязательно. Русский, талантливый, значит, обязательно запойный. – И закончил фразой, которую юрист понял несколько позже: – Простенько, со вкусом, но очень бездарно. И как Карцев говорит: «Но сегодня».

Появление Гурова и Байкова в офисе вызвало небольшой переполох. Секретарша Юдина, элегантная красавица Елена, даже вышла из-за стола, провела холерной ладонью по небритой щеке Байкова, прошептала:

– Беденький. – На Гурова взглянула строго и одновременно кокетливо. – Вы, Лев Иванович, просто монстр. Зачем же больного человека?.. – Она не договорила, лишь махнула ручкой. – У шефа переговоры, закончатся, доложу. – И вернулась на свой трон.

В своем кабинете, как учил его криминалист, Гуров опустил жалюзи, кивнул на кресло.

– Кончайте валять дурака и располагайтесь. Вчера лучшие специалисты провели здесь санитарную уборку, нас никто не слышит.

Он достал бутылку коньяка, плеснул в стакан, протянул гостю.

– Как-нибудь на досуге я прочту вам короткую лекцию, как изображать запойного. Радикулит у вас с грехом пополам получается, а запой вы изображаете ни в..., ни в Красную Армию.

– Не понимаю...

– Охолопись, Гриша, ты имеешь дело с профессионалом, выпей, сними напряжение. Ты парень неглупый, правда, и не шибко умный, уговаривать я тебя не собираюсь. Скажу несколько слов, ты сам решишь, как тебе жить дальше. Ты только учти, что очень скоро ты в этом же кабинете будешь плакать и просить о помощи. Потому ты мне не хами. Не хочешь – не откровенничай, но взаимоотношения со мной не порти. Чушь несешь. – Гуров закурил, двинул пару кресел, начал расхаживать. – Хами не хами, я все равно буду тебя спасать. Ответь только на один вопрос: ты уже под статьей или тебя используют втемную и на сегодня ты пока неподсуден?

Байков выпил коньяк, легко поднялся, налил себе вторую порцию. Гуров достал из стола электробритву, указал на розетку.

– Приведи себя в порядок.

Пока Байков брился, Гуров позвонил в машину Крячко, спросил:

– Что у тебя?

– Ну, по старой памяти дали мне две машины, так что я сам – третий.

– На какой срок?

– Пять суток.

– Ну, как минимум двое суток вас ждет перекур с дремотой.

– Спасибо, я всегда тебя любил. Ждать и догонять – самое милое дело, – сказал флегматично Крячко. – Сам понимаешь, дело практически бесперспективное. Когда они появятся, то ждать и играть мы права не имеем, а брать – значит тянуть пустышку за недоказанностью.

– Отвечу твоей же присказкой – ты большой, ты умный.

– Очень большой и очень умный, – поправил Крячко. – Больной у тебя? Молчит, конечно.

– Он бреется. Звони, – Гуров положил трубку.

Байков почистил бритву, положил на стол.

– Спасибо, Лев Иванович.

– Пустяки, Гриша, мелочи жизни. Я подумал и понял, что ты черту пока не преступил. Вчера узнал об убийстве главбуха, понял, что гуляешь по проволоке без лонжи и даже без зонтика, решил мне открыться, но тебе тут же позвонили и сказали, что не следует изображать героя, дочь у тебя одна и, судя по всему, другой уже не будет.

Байков так побледнел, что Гуров испугался, как бы действительно парень не грохнулся, и налил ему еще коньяка.

– Я тебя ни в чем не осуждаю. Однажды у меня украли любимую жену и ее сестру, я твое положение понимаю, лишних слов от тебя не жду. Я освободил их способом, для тебя недоступным, но у меня и лучших сыщиков России в услужении не было. Давай прокачаем ситуацию. Как я понимаю, она проста, как задница ребенка. Года два назад ты отказался подписать какой-то контракт и начал объяснять шефу, что тот собирается совершить глупость. Тогда к тебе обратился Мефистофель, протянул доллар и предложил заткнуться. Шеф колебался. Криминала в контракте не было, доллар был длинный, и ты решил чисто по-советски: мне что, больше всех нужно? Ты подписал, получил свой доллар, и мышеловка захлопнулась. Таковую историю даже Шехерезада не рассказывала, потому что уже в то время она считалась старой и пошлой. Ты криминала не видел, возможно, не видишь и сегодня, но, когда вчера застрелили главбуха, ты понял, что стоишь на краю. Идти к шефу, признаться, что получаешь деньги не только у него, ты постыдился, решил обратиться ко мне: и человек новый, ты меня не предавал, и профессионал. Дальше произошло то, что произошло. Теперь я тебе расскажу, как ситуация ляжет дальше. Твою пятилетнюю Дарью мы на какое-то время уберем. Но, во-первых, только на какое-то время, а во-вторых, Мефистофель любит носить белые перчатки. Это так элегантно. Но, бывает, их снимает и в любой момент может шепнуть: «Да уберите вы этого грешника, у меня от одного его вида аппетит пропадает». Ну, как?

– А чем, собственно, вы, Лев Иванович, отличаетесь от Воланда? – севшим голосом произнес Байков.

– Верно, кругом шастают рогатые и козлоногие, и только Григорий Байков в серебряной тунике и с белоснежными крыльями.

– Я могу забрать Дарью и скрыться.

– А какая гарантия, что ты издалека не черкнешь в Россию несколько лишних слов? Никакой. Ты не скроешься, уедешь совсем не далеко.

– Да не знаю я практически ничего! Клянусь жизнью Даши!

– Верю, у тебя в руке фонарик с очень тонким лучом, но если ты его направишь в нужное место, я узнаю, за что убили главбуха и в каком месте зарыта собака.

– Меня тогда убьют мгновенно, а Дашу за компанию.

– А давай мы Дашу спрячем! Это сделаю я, причем сегодня. Ну, а мы с тобой мужики, обязаны драться.

– Надо подумать, Лев Иванович.

– Согласен. – Гуров взглянул на часы. – На раздумья выделяю тебе один час.

– Один час? – Голос у Байкова пропал, и Гуров понял его лишь по движению губ.

– Целый час, шестьдесят минут, уйма времени. – Гуров начал варить себе кофе.

Сыщик блефовал внаглую. Ведь если ставить условия, то подразумевается, что на отказ ты можешь применить силу. За спиной сыщика никакой силы не существовало. Опереться было абсолютно не на что. Байков мог не согласиться либо просто обмануть, и ничего Гуров не сделал бы, лишь утерся и начал снова от печки. Но уверенность, холодный тон и спокойствие Гурова произвели впечатление силы несокрушимой, а при сопротивлении и карающей.

– Час так час, – прошелестел пересохшими губами Байков. – Я здесь, в уголке, не помешаю?

– Какой разговор? – Чувствуя близкую победу, Гуров повеселел. – Вари себе кофе, требуется – выпей еще немного.

Байков не успел поблагодарить, как в кабинет быстро вошел Юдин.

– Как болящий? Оклемавается? Как успехи у службы безопасности? – Юдин был привычно энергичен, как всегда, безукоризненно одет, выбрит до синевы, гнал перед собой волну тончайшего французского одеколона.

Гуров взял его под руку так крепко, что шеф поморщился.

– Борис Андреевич, не мешай парню, он думает, а мы с тобой пока пошепчемся.

Юдин освободил затекшую руку, недовольно сказал:

– Ты на преступниках свою хватку демонстрируй, – и уже шепотом спросил: – Убийцу нашли?

– Обязательно. – Гуров зашел за холодильник, поманил Юдина. – Еще вчера обнаружили, естественно, мертвого.

– Вот черт! Значит, на заказчика ты не выйдешь.

– Через наемника никогда не выйдешь на заказчика, Борис.

– Так что ты думаешь, мысли есть?

– Как у сучки блох. Тебе случалось собрать машину, а половина деталей оказалась лишней? Значит, ты собрал другую машину либо собранная не будет работать. Мне не нужны мысли, необходимы факты. – Гуров покосился на Байкова.

– Гришка знает и скрывает? Да я ему, сопляку...

– Один вопрос на засыпку, шеф, – мягко, но решительно перебил Гуров. – Скажи, пожалуйста, каким образом под крышей твоей фирмы может устроиться наркобизнес? Тихо, тихо, Борис, тут я главный. Вот ему, – сыщик кивнул на Байкова, – я дал час, а тебе, как другу, даю два. Думай.

Глава 4

Киднэппинг

Еще не было и десяти утра. Народ, бывший некогда хозяином, частично освободил свой персональный транспорт – троллейбусы, автобусы и метро, притащился на фабрики и заводы, некоторые даже начали работать. По улицам столицы, в частности по Ленинскому проспекту, где жила Зинаида Борисовна Ганевская, мать Григория Байкова и бабушка Даши, плотным потоком катили лимузины. Скрежетали ржавыми крыльями старенькие «Москвичи», деловито суетились «Жигули» всех моделей, сверкали лакированными боками иномарки, презрительно фыркнув на окружающих, по центральной полосе, для других закрытой, проносились вороненые членовозы. Ни перестройка, ни путч, ни расстрел парламента не коснулись этих благородных лимузинов, они были, есть и будут. Меняются пассажиры, но членовозы – никогда, они вечны, неизменно презирают окружающих и правила уличного движения.

Крячко сумел получить в свое распоряжение две группы наружного наблюдения, одну замызанную «шестерку» и такси с погасшим навсегда зеленым огоньком. Если ехать из центра, то дом, в котором жила мать Байкова и в данный момент находилась пятилетняя Даша, был расположен на правой стороне, в квартале от комплекса Первой градской больницы. Крячко поставил свой «Мерседес», чуть не доезжая до дома, «Жигули» наружки встали чуть впереди, а «Волгу» сыщик приказал припарковать на другой стороне, по движению потока в сторону Кремля. Старший наружки удивился, мол, на хрен это нужно, если девочку захватят, то машина может начать движение только направо, в сторону кольцевой, и «Волга», пока развернется, окажется отрезанной плотным потоком, через который трудно пробиться.

– Ты прав, майор, – согласился Крячко. – Если они начнут соблюдать правила, то ты прав. Но коли они наплюют на правила, рванут поперек и в обратную сторону, тогда как? Мы тремя машинами двинем за ними, как мы будем выглядеть? Встань, где сказано, и жди долго-долго.

Майор был мент тертый, Крячко знал лет десять, потому спорить не стал, молча выполнил приказ.

Через несколько минут какой-то пьяный мужик с авоськой, в которой болталась початая бутылка, перебежал шоссе в неположенном месте, увернулся от взвизгнувшей тормозами машины, свалился на асфальт под колеса стоявшей у тротуара «Волги» с наружкой, подняв над головой драгоценную ношу, затем, поднявшись и матерясь, выбрался на тротуар. Но майор, как уже сказано, был мент тертый и сказал:

– Сеня, пройди за ним, проверь документы.

Оперативник выскочил из машины, дошел за неуверенно шагающим ханыгой до ближайшей подворотни, подтолкнул его и строго сказал:

– Гражданин, почему нарушаете, создаете аварийную обстановку?

– Чего? – Гражданин дыхнул перегаром, попытался вытаращить опухшие глаза и залебезил: – Начальник, виноват...

– Документы, – перебил оперативник.

– Какие у меня документы? Вот мой дом, третий этаж, восьмые апартаменты, а я – Коська Ветрин, меня тут каждый знает.

– Коська! – Из подъезда вышел мужичонка в телогрейке. – Чего ласы точишь, принес?

– Во! – Коська поднял авоську и тут же спрятал за спину. – Кажись, арестованный я...

– Ты в любой каземат готов, лишь бы не поделиться...

Оперативник слушать не стал, вернулся в машину и доложил:

– Нормально, свои люди.

Через широкий проспект, забитый несущимися машинами, Крячко видеть происшедшее около «Волги» не мог. И вообще он сидел расслабленно, полудремал, черного хода в доме не было, нужный подъезд под носом, ждать, судя по всему, придется не одни сутки.

Подкатали «неотложка», двое парней в белых халатах, шапочках, с марлевыми повязками, но без носилок и чемоданчика выскочили из «рафика» и уверенно вошли в подъезд.

Крячко понял, что началось, связался с коллегами, продиктовал марку и номер «неотложки», напомнил порядок действий.

– Пылишь, Станислав, так быстро не бывает, – ответил майор.

– Заткнись, готовность один.

– Как скажешь, – равнодушно сказал майор.

Крячко повернул ключ зажигания, мотор мягко заурчал, сыщик улыбнулся: мол, от меня-то они никогда не уйдут. Тут же подумал, что майор прав, так быстро за девочкой приехать не могли, и тут же увидел Дашу, которая, подпрыгивая, выскочила из подъезда, что-то весело говорила «санитарам» и первой забралась в «рафик».

Крячко переложил пистолет в боковой карман куртки. Когда брать? Если сейчас, то девочку освободим, но ничего не докажем. После слов Гурова о том, что Крячко большой и умный, он решил следовать за похитителями до места назначения – квартиры или дачи. Жизнь покажет. Убивать девочку и вешать на себя расстрельную статью – бандитам никакого резона. У них, безусловно, заготовлена легенда, с доказательствами будет трудно, но захват такой группы, транспорта и базы – это уже кое-что.

«Рафик» мигнул левым подфарником, готовясь влиться в поток, затем неожиданно включил свои сирены, пересек шоссе, выехал на встречную полосу и двинулся к Садовому кольцу.

Крячко, чтобы развернуться и не засветиться, надо было либо выждать, либо проехать вперед до левого поворота, в любом случае он «рафик» терял.

– Майор, вцепись ему в хвост, води мертво, сообщай о маршруте. Разрешаю раскрыться, только не отпустить. Перестреляй им все баллоны к чертовой матери!

Двигаясь к развороту, Крячко соединился с «Волгой», спросил:

– Ведешь? Куда следуете?

В ответ сыщик услышал такой мат, что больше спрашивать ничего не стал, позвонил Гурову и сказал:

– Они забрали девочку и ушли.

– Спасибо, – ответил Гуров, взглянул на часы, на Байкова, который задумчиво пил кофе, и, проглотив тугой комок, сказал:

– Не тяни, Григорий, за оставшиеся десять минут бином Ньютона не придумаешь.

Байков ответить не успел, вновь зазвонил телефон. Гуров догадывался, кто звонит, очень не хотел брать трубку, но выхода не было, и он ответил:

– Слушаю.

– И внимательно, Лев Иванович, – произнес спокойный мужской голос. – Ты, конечно, уже знаешь, твои парни фраернулись, девочка у нас, потому затихни и передай трубку отцу.

– Вы понимаете, что если с ребенком...

– Ты, седой волкодав, не пускай слюну. Мы коммерсанты, а не людоеды, не психи, которые разыскивают вышку. Веди себя разумно, все будет о'кей! Давай сюда папу, я ему шепну пару слов, потом мы с тобой начнем договариваться.

Байков уже рвал у Гурова трубку, завладев, закричал:

– Я ничего не знаю, не скажу ни слова, отдайте девочку!

– Молодец! Очаровательная девочка, и нам она совершенно ни к чему. Совершаем обмен: ты – к нам, Даша – к бабушке и забудем эту неприятную историю как страшный сон.

Гуров слушал разговор по отводной трубке.

– Согласен! Согласен! – повторял Байков. – Когда, где, как?

– Для меня жизнь человека дороже всех твоих миллионов, – сказал Гуров. – Подумай, как совершить обмен, я тоже пораскину мозгами, позвони после восемнадцати, а сейчас дай трубку девочке.

– Лев Иванович, даже не смешно, я же говорю из автомата.

– Хорошо, пусть в течение получаса Даша сюда позвонит.

– Ладно, – неизвестный положил трубку.

Опережая нервный срыв Байкова, истерику, Гуров шарахнул кулаком по столу и закричал:

– Молчать! Кто во всем виноват? Кто продал своего шефа, за что убили невинного человека? – Он схватил юриста за лацканы пиджака и приподнял. – Девочку они не тронут, она им действительно ни к чему, а тебя требуют к себе с одной-единственной целью... Понятно, с какой?

– Ну и пусть! Пусть убивают. Я оставлю дочке все деньги, мать ее воспитает! – У Байкова начиналась истерика. Гуров отвесил ему такую пощечину, что чуть не отшиб голову.

Из-за холодильника за ними наблюдал Юдин, который счел нужным вмешаться:

– Лев Иванович, пусть его убьют другие, ты рук не пачкай.

– А ты меня не учи, налей человеку стакан. Пусть он будет пьяный, но с мозгами.

В кабинет вошел Крячко, вид у него был не виноватый, скорее печальный.

– Я не оправдываюсь. Почему и как бы ни сорвалось, виноват всегда старший. Но должен сказать тебе, дорогой Лев Иванович, наше время прошло. Мы воюем с организацией, а даже твой любимый Акела не мог в одиночку биться против стаи.

Во всех поражениях и провалах Гуров винил только себя. Он был убежден, что самый хитрый ход противника можно и должно предвидеть. Он знал опыт и возможности Крячко и не сомневался, что оперативник нигде не ошибся. Но дело провалено, значит, ошибку допустил он, Гуров.

– Девочку не тронут, это я тебе говорю! – Гуров ткнул Байкова пальцем в грудь, юрист еле устоял на ногах. – Твоя жизнь не много стоит. Я попробую ее сохранить. Гарантий не даю. – Он наклонился к уху Байкова и тихо продолжал: – Иди со своим шефом в дальний уголок и шепотом, буквально на ушко, перескажи ему весь алфавит от А до Я.

Гуров взял Крячко под руку, вывел на улицу, внимательно оглядел ее и кивнул. Станислав подробно рассказал о происшедшем. Оказалось, что «алкаш», свалившийся у «Волги» группы наружного наблюдения, вложил под оба передних колеса металлические шипы, и когда машина тронулась...

– Теперь просчитай, Лев Иванович, сколько человек и какой квалификации против нас задействовано, – продолжал Крячко. – Только мне выделили две группы, как номера машин стали известны. С какой поразительной скоростью они действовали! Надо было угнать «неотложку»...

– Могла давно стоять в гараже, – перебил Гуров. – Проверь.

– Мы нашли ее брошенной в переулке у Октябрьской площади. Ясно, что там их ждала другая машина. Найти нас на Ленинском проспекте, зная номера машин, дело плевое. Но «алкаши»? Небритость, одежда, запах, уверенность в розыгрыше легенды – ты сам знаешь, на подготовку требуется время. И почему они так спешили?

– Тут моя вина, – ответил Гуров. – Я дал Байкову на размышления час, они узнали и успели. Как узнали? Я не верю, чтобы вчера наши ребята что-нибудь проворонили, у них же тоже современная техника. Я опустил жалюзи, и через окна нас достать не могли.

– Один черт знает, что сегодня технически возможно, а что нет.

– Под каким предлогом девочку взяли из дома?

– Отец соскучился, больница рядом, попросил подвезти дочку.

– Простенько.

– Все простенько, но с большим вкусом, – усмехнулся Крячко и сильно толкнул Гурова к стене дома.

По переулку на бешеной скорости пронесся «Форд», едва не наехав колесом на тротуар, скрылся за углом.

Оперативники взглянули друг на друга и рассмеялись.

– Если за нами сейчас наблюдают, что не исключено, то представляешь, как смеются? – вздохнул Крячко.

– Не стану напоминать известную пословицу, цитирую сыщика Гурова: «Еще не вечер».

– Классика. Ты отлично понимаешь, разработчик всей операции из наших. Он все знает, в ловушку ты его не заманишь. И девочку он не отдаст.

– Еще не вечер, – упрямо повторил Гуров.

– Хорошо! Согласен! – вспыхнул Крячко. – Ты гений! Но ты лишь человек! А человек не может победить машину!

– Станислав, мне столько раз это говорили... Когда убьют, тогда и победят, и ни секундой раньше.

– Извини, но на хрен нам все это нужно?

– Отвечу вопросом на вопрос. – Гуров провел ладонями по лицу, зевнул. – А на хрен мы с тобой вообще живем? Такая организация, огромные деньги – значит, наркотики. Я об этом давно думаю. Когда Борис мне сказал, что рэкетиры «наехали» на него лишь раз, а вечером позвонили, извинились, сказали, мол, ошиблись адресом, я сразу подумал: значит, его охраняют люди более серьезные. А кто у нас самый богатый, серьезный и организованный? Наркобизнес. Значит, мы с тобой служим в одном из отделений наркобизнеса.

– Спасибо, босс! Но тогда нам мало платят.

– Верно, я скажу Борису, – усмехнулся Гуров. – Пошли, тебе полагается чашка кофе, а мне, как признанному алкашу, капель несколько. Признаюсь, Станислав, у меня есть идея...

– А у меня жена и сын, – сердито ответил Крячко.

Когда они проходили мимо приемной Юдина, секретарша громко сказала:

– Лев Иванович, шеф просил зайти.

– Спасибо, красавица, а где наш больной?

– В вашем кабинете.

– Прекрасно. – Гуров взглянул на Крячко. – Вари кофе, я сейчас. – Он сел рядом со столом Елены Добродеевой, которая была больше чем красавица, мило улыбнувшись, взял ее блокнот, достал авторучку, начал писать, оправдываясь: – Простите за ради бога, но памяти никакой, а уж при виде вас вообще теряю голову.

Он не дописал страницу, перевернул, начал строчить на новой, затем вырвал из блокнота два исписанных и несколько чистых листков, положил блокнот на место, листки в карман.

– Странный вы человек, Лев Иванович. – Секретарша смотрела серьезно. Ее полные перламутровые губы приоткрылись, обнажая зубы, какие можно видеть лишь в кино и на рекламных роликах. – Вы здесь не первый день и по профессии сыщик. Вы заметили, что я – женщина?

– Обязательно! – радостно ответил Гуров. – Признаюсь, я и предложение Бориса Андреевича принял в основном, чтобы видеть вас ежедневно.

– Считаете меня душой?

– Лишь женщиной, которая хочет слышать то, что она хочет слышать.

– Если мне удастся вас увлечь, я выну из вас душу!

– Верю на сто процентов, – Гуров поднялся.

– Пригласите меня на ужин.

– Женщине нужно отдавать все либо не предлагать ничего, – очень серьезно ответил Гуров. – Когда я буду принадлежать себе, то лягу у ваших ног.

– Дайте слово.

– Честное слово. – Гуров посмотрел женщине в глаза, постучал в дверь шефа и вошел.

– Где ты пропадаешь? – недовольно пробурчал Юдин, увидел, как Гуров приложил ладонь к губам, и замолчал.

– Обсуждали со Станиславом наше положение, признали его незавидным. – Гуров положил перед Юдиным один из исписанных листков, пока шеф читал, сыщик продолжал: – Не томите, Байков признался?

– Черта с два! – рявкнул Юдин. – Якобы он ничего не знает, ни с кем не связан, кто и с какой целью похитил его дочь, понятия не имеет! А то немногое, о чем он догадывается, не скажет, так как дочка ему дороже всех коммерческих сделок в мире.

– Кретин! – Гуров забрал свой листочек у Юдина, прикурил, листочек сжег. – Баба с возу – кобыле легче. Если бы он признался, я был бы обязан его защищать. От кого и как защищать, я не знаю. Он молчит, никто в его молчание не поверит, и его убьют. А мне не грустно. Я обменяю его на девочку, верну ее бабушке, а за жизнь предателя и лгуна я не в ответе.

– Мне его уволить? – спросил Юдин.

– Хозяин – барин. Верить ему нельзя – это точно. Если надо закончить какую-то срочную работу, пусть заканчивает, хотя лично я думаю, что он не жилец. – Гуров наклонился над столом и написал: «Рассказал?» Юдин в ответ кивнул.

– Ладно, Борис, пойду, скажу этому придурку пару ласковых слов и буду ждать звонка и договариваться об обмене.

Гуров вышел, кивнул секретарше, словно посторонний, зашагал в свой кабинет. Крячко и Байков пили кофе. Гуров протянул юристу записку, которую написал в приемной, и зло заговорил:

– Значит, не знаешь, не ведаешь, не понимаешь? – Он достал коньяк, хлебнул из горлышка. – Я двадцать с лишним лет слышу такие глупости. Кто их говорит? Битые-перебитые преступники, которые утверждают, что чистосердечное признание облегчает душу и удлиняет срок. Я тебя судить не вправе, собирался защищать, теперь не буду. Кто тебе поверит? Я не поверю, что ты ничего не знаешь. На той стороне никто не поверит, что матерый волк Гуров не сумел расколоть такого сопливого фраера. А если сейчас не расколол, то обязательно расколется, получив девочку. Григорий, ты в любом случае не жилец, так отомсти за себя, подбрось хоть ниточку, чтобы я мог уцепиться.

Гуров говорил так зло и убедительно, что у Байкова начали дрожать руки. Он со страхом смотрел на Гурова, в записку, перечитывал, шевеля губами, словно малограмотный, снова смотрел в отчужденное лицо сыщика, наконец собрался с силами и прошептал:

– Выручите Дашу, я ничего не знаю.

– Что ты бормочешь? Дочку отдайте, а ты не в курсе дел. Прекрасно. Вот господа хорошие позвонят, ты сам с ними и договаривайся. Я был старшим опером-важняком, тогда меня такие дела касались. Сегодня я начальник службы безопасности фирмы «Стоик».

– У сотрудника фирмы похитили ребенка! – завизжал Байков.

– Станислав, у тебя валерьянка имеется?

– Валидол, – Крячко полез в карман.

– Дай ему, а то помрет, нам контрагенты не поверят и девчонку не отдадут. Она им и не нужна, не отдадут для перестраховки, начнут меня шантажировать. Мол, ты, волчара, фраера расколол и убрал за ненадобностью, теперь в нас вцепишься. Чтобы ты особо не дергался, мы невинное дитя у себя подержим. Как излагаю, понятно?

Крячко дал Байкову таблетку, взглянул на друга с неприязнью, осуждающе покачал головой.

– Прекрати, ты видишь, человек... – Крячко закашлялся. – Действительно добьешь, и карты лягут, как предсказываешь.

– Ты еще слюни распустил. – Голос Гурова слегка помягчел. – Пошли вы все... чисто-плюи! Я лучше выпью. – Он начал звенеть посудой, но пить не стал, опустился в кресло, вытянул ноги, закрыл глаза. Лицо сыщика блестело от пота, под глазами залегла чернь.

Юрий Петрович Еланчук прослужил свыше двадцати лет в КГБ. Трудился и за рубежом, и на родных землях, во время реорганизаций его передвигали с места на место, пока не уволили на пенсию. Он был среднего роста, тонок в кости, имел изящные черты лица, карие, почти черные глаза, опущенные длинными ресницами. Разговаривал он всегда тихо, не курил, не пил, изъяснялся только на чистом русском языке, к тому же был незаурядно умен, всегда имел собственную точку зрения, которую никому не навязывал, но и не скрывал, и приходится лишь удивляться, каким образом такому человеку удалось продержаться на службе столь долго в структуре жесткой, где ценятся качества, диаметрально противоположные тем, коими обладал Юрий Петрович. Его можно было принять за артиста, художника, преподавателя изящных искусств в конце концов, только не за кэзэбэшника. Подчеркивая свои природные данные, Еланчук и одевался соответственно, хотя и со вкусом, но достаточно экстравагантно: замшевые, вельветовые, бархатные пиджаки, вместо галстука повязывал платки, носил узкие франтоватые усики, стригся у своего мастера, таким образом, был всегда элегантен, ухожен, благоухал дорогим одеколоном, ко всему прочему делал маникюр. Можно такого держать в учреждении, основанном «железным» Феликсом? Пусть умница, блестящий агентурист, на трех языках говорит в совершенстве, что с того? Не свой он, за версту видно. Терпели, сколько могли, чуткие кадровики раз пять выставляли его за штат, но всегда находился сумасброд-генерал, который начинал бубнить про талант, индивидуализм, честность и прочую ерунду.

Два года назад такого генерала на месте не оказалось, и полковник Еланчук очутился за тяжелыми дверями без удостоверения и с выходным пособием в кармане. Из-за своей скитальческой жизни он и женился поздно, и к моменту увольнения его очаровательным дочкам-двойняшкам исполнилось лишь по восемь лет. Жена Еланчука преподавала английский язык в школе, зарплата – без слез не взглянешь. Пенсия, которую ему назначили, вначале казалась солидной, но худела с такой быстротой, что через полгода превратилась в дистрофика. В связи с особенностями своей натуры Еланчук влиятельных друзей или приятелей в коммерческих сферах не имел, бывшие коллеги, ныне перекрасившиеся и преуспевающие, его не любили, в общем, помощи человеку ждать было неоткуда. Вскоре вопрос, как поддерживать жизнь семьи на привычном уровне, встал достаточно остро. Тут и состоялась «случайная» встреча отставного полковника с человеком неизвестной национальности, который встретил его у дома, назвал Отаром, предложил поужинать и обсудить некоторые вопросы, которые, возможно, покажутся господину Еланчуку интересными. Тот согласился, чтобы не казаться совсем диким, выпил рюмку сухого вина, поддерживая беседу о политической и экономической неразберихе, выяснил, что Отар знает о нем, бывшем полковнике СБ, довольно много, и с любопытством ждал развязки. «Что вербуют, понятно, – рассуждал он, – но не свои и не зарубежные службы, так как подготовка велась столь поспешно и топорно, как ни одна спецслужба работать не станет».

Когда Отар, изрядно выпив, начал нести уже полную чепуху, Еланчуку надоело, и он спросил:

– Кого вы представляете и что вам конкретно от меня нужно?

– Я представляю деньги, значит, силу, которая занимается коммерцией. Нам нужны ваши опыт и знания. Платим мы хорошо, – ответил напыщенным тоном Отар и не нашел ничего лучшего, как выложить на стол плотный конверт. – Наша визитная карточка, примите, решайте.

Еланчук давно заметил двух мужчин, сидевших на некотором отдалении, и перехватил взгляд, которым они обменялись с Отаром. «При таком шуме они записать наш разговор не могут», – решил отставник, накрывая тарелкой «визитку» Отара, затем изящно наклонился

через стол, вынул из внутреннего кармана «вербовщика» портативный магнитофон, небрежно опустил в свой карман и ответил:

– Я не коллекционирую визитные карточки незнакомых людей, – и отодвинул тарелку. – Признаться, вы меня разочаровали. Дайте мне ваш телефон, возможно, я позвоню.

– Вы только взгляните, – Отар растерялся и враз протрезвел. – Возьмите, откажетесь – мы без претензий.

– Телефон. – Еланчук поднялся.

– Пожалуйста... Записывайте.

– Ну? – Всякому терпению приходит конец, в голосе Еланчука звучало раздражение.

Отар продиктовал телефон, бывший контрразведчик кивнул, поправил на шее платок, направился к выходу. У столика, за которым сидели сотоварищи «вербовщика», Еланчук чуть замедлил шаг, взял лежавшую на белоснежной скатерти зажигалку-фотоаппарат и молча вышел из ресторана.

– Да никогда в жизни! – сказал он вслух, садясь в машину.

Можно быть умницей, академиком, высочайшим профессионалом, а в нашей жизни разбираться скверно.

Он терпеливо ходил по длинным коридорам некогда родного учреждения, стучался во многие двери, не моргнув глазом, выслушивал оскорбительные замечания в свой адрес. Кончилось тем, что ему отказали в пропуске, пояснив, что это распоряжение Первого лица Большого дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.